

Алексѣй Ремизовъ

УКРѢПА

Слово
къ русской землѣ
о землѣ родной,
тайностахъ
земныхъ
и судь-
бѣ.

Петроградъ

1916

Второе

издѣніе

Алексѣй Ремизовъ.

У к р ѣ п а.

Слово

къ русской землѣ о землѣ родной,
тайноствѣхъ земныхъ
и судьбѣхъ.

Петроградъ.
1916

Петроградъ. Рыночная, 10.

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло.

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово на русской землѣ.

Осенній вѣтеръ вызнабливалъ сердце, вьюжливой метелюжливой зимой зимскою сковывалъ морозъ, заливалъ снѣжный наслудъ и шумно топило его половодьемъ.

А придетъ весна теплая, да долгая, отдохнутъ всѣ поля и тамъ, на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ въ зеленыхъ низовьяхъ шелестятъ камыши и на мелкомъ песку свѣтятся гладкіе голыши, грѣтся оно, твердынное, подъ яснымъ солнцемъ — или и осеннему вѣтру не повыкрушить сердца! — слушаетъ звонъ колокольный: надъ воскреснымъ утромъ отъ далекаго Озера Святого до Ипатія несется надъ Волгой звонъ благовѣстный.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Во времена лихолѣтья гудѣлъ набатъ въ слободахъ Костромы, собиралъ народъ, подымался русскій народъ, и отъ роду родовъ не бывало, чтобы даромъ врага промелѣдили — Стань къ сторонѣ! — разбивался врагъ о твердыню.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Шелестятъ камыши, лѣниво струится рѣка — темныя волны, волна за волной, въ широкую Волгу, и по приволью большому зеленѣютъ зеленыя дали, — тамъ когда-то стояли костры становища дикаго каменнаго люда и гремѣли дикія пѣсни.

Не дикія пѣси, шелестятъ камыши, слышатъ тепло — лѣто ведренное Богъ посылаетъ, и чудится въ ночи, слышно ржанье коней да глухой вечный звонъ, — это дружины русскія вышли на защиту родной стороны подъ святой кличъ „За русскую землю!“ и отъ рѣки, вырытой шведской рукой, вплоть до подземнаго подъ Костромою-рѣкой годуновскаго хода стала подъ стягъ стародавняя православная Русь.

То мѣсто свято — святая и крѣпкая Русь.

Камень не камень, твердынное, какъ камень, чистымъ серебромъ окладенное, лежало слово на русской землѣ, крѣпло отъ вѣка съ крѣпкою Русью, стойкой, готовной вѣрой и правдой до смерти постоять за родимую землю.

И безмолвное, черезъ всѣ испытанія, пожаръ и напасти хранимое пречистымъ Покровомъ, въ грозный часъ вотъ воспрянуло оно, стародавнее, поновить русскую землю, поднялось оно, крестное, во всей своей силѣ укрѣпить и утвердить — наполнить сердце духомъ единымъ и единою мыслью русской за Русь, за Россію родимую.

СТРАДНОЙ РОССИИ.

Страдной Россіи.

На страду вашу братскую — въ поле бранное, въ ту горькую пустыню, гдѣ постѣ великѣ и часѣ скорѣ, донесетѣ ли мой голосѣ въ Христову ночь —

Христосѣ Воскресѣ!

Какѣ пустыня, други, печаль залегла по полямѣ и въ лѣсахѣ на Руси. Темны ночи и долги часы: забудешь — вспомнишь, вспомнишь, не воротишь. И однѣ только думы...

Други, Христосѣ Воскресѣ!

Въ полночь колоколѣ ударитѣ, загудѣтѣ — сердце родимое матери — земли родной загудѣтѣ. Васѣ, мои братья, вѣрные трудники за русскую землю, вспомянетѣ русскій народѣ —

Христосѣ Воскресѣ!

1915 г.

Николинъ завѣтъ.

За Онегой — гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ не трогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали. Была у него семья большая — и всѣ сыновья на войну пошли воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ — и праздникъ пришелъ, престолъ въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху! — и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитъ среди ночи звонъ. Прислушался — или вѣтеръ? — нѣтъ, звонили въ колоколъ. Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали, — говоритъ, — что?

— Да, — говорятъ, — въ колоколъ ударили.

Пошли въ церковь. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая — звѣзды, какъ птицы, плыли изъ конца въ конецъ, бѣлая надъ бѣлой землей. Подошли къ колоколенъ, смотрятъ — на колоколенъ нѣтъ никого, а звонитъ... разъ пять ударило въ колоколъ.

Вызвался Филиппъ, дай самому развѣдать. Поднялся на колоколеню и видитъ — стоитъ подъ колоколомъ старикъ, такъ нищій старикъ, ни руками, ни ногами ни двигнетъ, а колоколъ звонитъ.

— Ты кто? — спрашиваетъ нищій старикъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?

А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милостиво:

„Филиппушко, молъ, аль не признаешь“?...

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, — говоритъ, — ты меня, Никола угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

— А звоню я, — говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный, — я звоню потому, что крещенные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофію попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу, — сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ! — сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола итти Филиппу къ народу по землѣ родимой, — за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки, такъ сошелъ съ колокольни и разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру — пострадать за родимую землю.

1914 г.

За родину.

— Въ три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни по́-ногу, своихъ не трожь, за родину проклянетъ народъ.

Гулялъ Степанъ, разбойничалъ — вострая сабля въ рукахъ, за плечами ружье, охотничалъ разбойничекъ: дикая птица, двуногая, съ руками, съ буйной головой добычей была. Ухачи, воры — товарищи. Гдѣ что попадалось, все ташилъ, зря не бросалъ и не проглядывалъ, что висло висѣло. И былъ у него большой домъ — таборъ разбойный, и хлѣба, и одежды и казны вдоволь, полны мѣшки серебра. Съ молоду было — лизнулъ онъ камень завѣчный и все узналъ, что на свѣтъ есть. И не зналъ ужъ страха, и не было на свѣтъ того, кто бы погубить его могъ. И Саропскій лѣсъ приклонился передъ нимъ къ землѣ.

Гулялъ Степанъ, разбойничалъ, Турецкое царство разбилъ; Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держалъ. И любилъ народъ Разина за гульбу и вольность его: отместитъ разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная, или напрасная кровь замутили вольную разбойную душу, нарушилъ Степанъ завѣтъ родителейъ, пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать — не пройти, не проѣхать по Волгѣ, замаялъ. И вышелъ у народа изъ вѣры.

— Въ три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни по́-ногу, своихъ не трожь, за родину не проститъ, проклянетъ народъ.

Вотъ онъ съ разбою ѣхалъ по Волгѣ. Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ. Мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ — про свою первую пощаженную встрѣчу. Что-то скучно ему...

„Дай къ ней зайду!“

Вышелъ Степанъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полукаменному дому — было когда-то въ домѣ веселье, знавалъ и разгулку.

Отворила дверь сама Маша. Смотритъ, глазамъ не вѣритъ — Стенюшка ли это милый?

— Что, Егоровна, али старъ ужъ сталъ? Съ Жегулиной горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча. И вспоминать не надо.

— Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотритъ. Вспоминать не надо! И вспомнила, обиду вспомнила и простила, за себя простила, и другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно! — и хотя-бы глазомъ моргнула, какъ камень.

Истопила Марья баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка. А сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Взбулчалъ старшина, нарядили народу — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Тамъ гвалъ, тутъ гамятъ.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старый старикъ.

— Что у васъ за сходка? — спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

— Гдѣ вамъ, братцы, его пымать! Развѣ мнѣ...

Поумолкли.

Снялъ старикъ шапку, три раза перекрестился и пошелъ къ купцову полукаменному дому, подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Стенька:

— Эхъ ты, старый хрѣнъ! Не далъ ты мнѣ помыться.

А ужъ значитъ судьба, дѣлать нечего, сталъ собираться.

И вышелъ Степанъ изъ бани. Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился и пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не гадѣлъ народъ. Какъ стояли, такъ и замерли — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косою, кто съ ружьемъ.

Посади́лъ старикъ разбойника на телѣгу, самъ впереди сѣлъ — и съ Богомъ.

Такъ и привезъ въ городъ.

— На-те вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ казематъ.

Сбѣжался народъ. Топчутся, не знаютъ, какъ подступить.

Исправникъ говоритъ:

— Надо въ желѣзо его сковать.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковалъ его кузнецъ.

Стенька тряхнулъ ногой, и желѣзы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо, дайте я его свяжу!

Взялъ старикъ моченое лыко, ноги и руки лыкомъ связалъ.

— Ну, готово, теперь ведите.

Степанъ поглядѣлъ на старика.

— Прости, дѣдушка!

А старикъ будто не слышитъ.

— Прости, дѣдушка!

Старикъ нахмурился.

— Прости меня! — въ третій разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ старикъ...

— Не прощу!

И пошелъ такой старый, не простой, бездомный странникъ, не оглянувшись, пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсъ нагрозился.

1914 г.

Солдатъ-доброволецъ.

I.

Три сына росли у Касьяна. А по тѣмъ мѣстамъ такія были дряби да грязи, — не пройти, не проѣхать.

Вотъ и говоритъ Касьянъ сыновьямъ:

— Вы, дѣтушки, теперь выросли, давайте-ка міру послужимъ, замостимъ мостами дрябъ, чтобы людямъ ходить хорошо было.

И три года мостили, осталось послѣдній гвоздь вколотить, — будетъ путь во всѣ стороны.

Старшій сынъ мостилъ черезъ мхи, приусталъ, прилегъ отдохнуть подъ мостомъ и слышитъ, идетъ черезъ мостъ старичокъ и Бога молить:

— Дай, Господи, кто этотъ мостъ мостилъ, чего попросить, то и дай.

Вышелъ старшой къ старичку:

— Мы мостили, три брата насъ, да батюшка.

— Что тебѣ надо? — спросилъ старикъ.

— А мнѣ много не надо, а чтобъ ни за чѣмъ въ люди не ходить, дома жить.

— Такъ и будетъ.

И пошелъ старичокъ своей дорогой.

На другой день середній сынъ прикорнулъ подъ своимъ мостомъ, и тотъ же старичокъ идетъ и Бога благодаритъ. И, какъ старшой, пожелалъ середній сынъ:

— Ни за чѣмъ въ люди не ходить.

— Такъ и будетъ, — посулилъ и ему старикъ.

На третій день сидитъ подъ мостомъ малый сынъ. Идетъ черезъ мостъ старичокъ, молитъ Бога.

Выходитъ малой.

— Что тебѣ надо? — спрашиваетъ старикъ.

— А хочу я царю-батюшкѣ помогать, хочу въ солдаты итти.

— Трудное дѣло, Иванъ, да и молодъ еще! — сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, я пойду!

— Ударься о землю! — приказалъ старикъ.

Ударился Иванъ о землю и сталъ оленемъ. Бѣгалъ, бѣгалъ, изъ силъ выбился, прибѣжалъ къ старику.

— Былъ олень, стань рысью! — сказалъ старикъ.

И сталъ Иванъ рысью и побѣжалъ, умурился и назадъ идетъ.

— Былъ рысью, стань соколомъ!

И ужъ соколомъ полетѣлъ онъ и много леталъ, примахались крылья, спустился.

— Былъ соколомъ, будь мурашомъ!

И обратился Иванъ въ муравья, ужъ ползалъ, ползалъ съ вѣтки на вѣтку, съ прута на прутокъ.

— Ну, довольно.

И сталъ Иванъ опять человѣкомъ.

— Богъ тебя благословляетъ на службу, — сказалъ старикъ, — служи вѣрой и правдой. Когда будетъ нужно, ударься о землю — и станешь оленемъ, рысью, соколомъ и мурашомъ.

И пошелъ старичокъ своей дорогою.

Стали братья жить-поживать, каждый своимъ дѣломъ занялся, на что Богъ благословилъ. Старшой промышлялъ торговлей, и дѣло хорошо пошло, средній на землѣ хозяйствовалъ и тоже не жаловался, а меньшой Иванъ, — такъ ужъ знать ему на роду написано, — какъ сдѣлалась завороха-война, занабирали народу, и пошелъ онъ охотой въ солдаты.

2.

Цѣлый годъ шли войной. Далъ Богъ, повоевалъ царь много земель, побѣдилъ непріятеля, и пришло время перемирію.

Всѣ цари собрались на собраніе, всѣ въ коронахъ. Хватился нашъ царь, гдѣ корона? — безъ короны въ собраніе не пускаютъ, — а корону-то дома забылъ. И даютъ царю три дня срока, а то назадъ отберутъ всѣ земли или опять войну начинаютъ. Что подѣлаешь, надо корону! И заразыскивалъ царь народу, кто можетъ въ трое сутокъ домой сходить и назадъ съ короной притти?

Да кому это возможно, — годъ вѣдь шли! — отказываются.

И выискался Иванъ.

— Я схожу.

Обрадовался царь:

— Вотъ что, Иванъ, исполнишь, — дочь за тебя отдамъ.

Написалъ царь письмо царевнѣ и съ царскимъ письмомъ снарядилъ въ путь солдата.

Вышелъ Иванъ изъ виду вонъ, да какъ ударится о землю — и сталъ соколомъ и полетѣлъ.

Черезъ рѣки летитъ соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, такъ и шелъ и шелъ.

Въ сутки добѣжалъ оленемъ.

Народъ кричитъ:

— Хватайте! Хватайте!

А старые люди головой качаютъ:

— Ой, не вѣсть ли отъ царя?

Прямо ко дворцу бѣжитъ.

И не сдобровать бы оленю, — самоходъ задавитъ, — да онъ муравьемъ обернулся и муравьемъ попалъ во дворецъ на верхи къ царевнѣ и тамъ сталъ солдатомъ.

Ужаснулась царевна.

— Какъ, — говоритъ, — ты вошелъ, солдатъ, и по какому случаю?

Солдатъ ей письмо отъ царя и рассказываетъ, какъ донесъ письмо.

Не вѣритъ царевна: годъ шли войной, какъ въ одинъ сутки поспѣть!

— Я тебѣ покажу, царевна!

И ударился солдатъ о землю и сталъ соколомъ.

А царевна изъ него перышко вытянула да въ платочекъ.

— А еще какъ?

И сталъ онъ оленемъ.

Царевна у него рожка отломила и опять въ платочекъ.

— Еще покажи!

И сталъ онъ рысью.

Царевна у него шерстки клокъ вырвала и къ рожку въ платочекъ.

— А какъ, — говоритъ, — во дворецъ попалъ?

— Я мурашомъ вползъ.

И обернулся муравьемъ.

А царевна изъ него бочечку-яичко вытянула да въ узелокъ завязала.

И повѣрила. Дала ему царскую корону и письмо отцу написала.

Забралъ солдатъ корону, запряталъ письмо, обернулся соколомъ.

— Прощай, царевна! — и улетѣлъ.

Ближней дорогой, какъ соколъ, долетѣлъ Иванъ до моря. И всего ничего оставалось, да усталъ, вздумалъ отдохнуть малость и повалился на берегъ.

А у моря два солдата на часахъ стояли: Хайловъ да Вагановъ, — корабли стерегли. Видятъ солдата на берегу, пошарили, хвать, а у него царская корона да письмо отъ царевны.

— Ой, — говоритъ Вагановъ, — ужъ не воръ ли?

— Воръ не воръ, а прощальга. Такъ оставить невозможно.

И давай будить Ивана. Ужъ головой били о землю и всѣ ему ребрышки посчитали, а онъ и ухомъ не ведетъ, — очень умирался. Ну, пеняй на себя, долго разговаривать некогда, и живо на корабли. И во-время къ царю съ короной поспѣли.

На радостяхъ царь забылъ про Ивана: тутъ дѣло такое, не до Ивана.

3.

Думалъ Иванъ часокъ отдохнуть, разоспался, и ночь наступила, а онъ спитъ и спитъ. Въ полночь вышелъ внучекъ Водяного на бережку поиграться, — на морѣ тишина стояла, ни ко-

раблика не плавало вѣ морѣ, — увидалѣ внучонокѣ Ивана, сграбасталѣ да вѣ море, кѣ дѣду.

— Дѣдушка, дѣдушка, я тебѣ солдата поймалѣ.

Видитѣ дѣдѣ, человекѣ не худой:

— А пускай сѣ тобой гуляетѣ.

Ну, и остался Иванѣ жить у царя Водяного при его внучкѣ.

И мѣсяцѣ прошелѣ, и другой, и третій, — много прошло. Кормятѣ и поятѣ Ивана, да скучно. И запечалился Иванѣ, отсталѣ отѣ ѣды. Думы-то тамѣ, на землѣ:

„Ужѣ, поди, — думаетѣ, — царѣ мирѣ заключилѣ, то-то тамѣ весело“.

— Что, Иванѣ, аль стоскнулся о бѣломѣ свѣтѣ? — спрашиваетѣ Водяной.

— Хоть-бы глазкомѣ поглядѣть! — запросился Иванѣ.

— Ладно, выпущу тебя на часокѣ, а болѣ не бывать! — да какѣ крикнетѣ ребятѣ.

И откуда взялось, собрался народѣ — всѣ были набросаны вѣ морѣ! — и живо его со дна вынесли и на островокѣ положили.

Ударился Иванѣ о землю и соколомѣ улетѣлѣ.

Море за нимѣ, — подымалось, подымалось, — а ужѣ высоко, не утянуть, такѣ и улетѣлѣ.

Отлетѣлѣ Иванѣ отѣ моря и пошелѣ. Дошелѣ до деревень, спрашиваетѣ:

— Что, крещенные, вернулся царѣ сѣ войны?

— Да ужѣ мѣсяца два будетѣ, — говорятѣ Ивану.

Онѣ дальше, все идетѣ и идетѣ, пришелѣ вѣ городѣ. И остановился у нищей старухи Волкивны.

— Что это у васѣ все пѣсни поютѣ?

— А какѣ же, — говоритѣ Волкивна, — за солдата Хайлова царская дочка замужѣ выходитѣ: досталѣ царю корону мирѣ заключать! А товарища его царѣ первымѣ генераломѣ сдѣлалѣ: тоже старался. Да, слышно, царевнѣ-то неохота. Завтрашній день даетѣ царѣ пирѣ сѣ музыкантами, черезѣ три дня свадьба.

— А нельзя-ли мнѣ, бабушка, на царевну посмотретьѣ?

— Чего же нельзя, надѣнь музыкантское платье и иди на пирѣ.

А былъ у Волкивы пріятель изъ музыкантовъ, померъ, а мундиръ завѣщалъ старухъ: Волкивна его у себя подъ подушкой держала.

Нарядился Иванъ въ музыкантское платье и на пиръ, сѣлъ съ музыкантами.

Царевна съ женихомъ прогуливается, а тотъ товарищъ его за ними ходитъ. Подошла царевна къ музыкантамъ.

— Не слыжалъ ли кто, какъ солдатъ царю корону досталъ миръ заключать?

Никто ничего не отвѣчалъ.

Тутъ поднялся Иванъ.

— Я, — говоритъ, — про такое не слышалъ, а самъ въ старину такъ дѣлалъ: обернусь соколомъ и лечу, черезъ рѣки — соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, а гдѣ надобно и мурашомъ.

— А теперь можешь?

— Могу.

Вышелъ Иванъ на площадь, ударился о землю и соколомъ полетѣлъ, подлетѣлъ къ царевнѣ.

А царевна вынула изъ платочка перышко, приложила.

— Вотъ, — говоритъ, — тутъ и было.

Обернулся Иванъ рысью.

Царевна шерсти клочокъ приложила, и пришлось.

Бѣгалъ Иванъ оленемъ, ползалъ муравьемъ. И рожка, и бочечку приложила царевна, и все пришлось.

И говоритъ царевна отцу:

— Вотъ, батюшка, мой суженый, вотъ кто корону досталъ!

Тутъ Хайловъ и Вагановъ въ ноги царю, повинились: не хотѣли губить человѣка, да такъ ужъ вышло.

Царь ихъ выдалъ Ивану и сейчасъ же за свадьбу.

Повѣнчался Иванъ на царевнѣ и сталъ жить-поживать. А товарищей отпустилъ на волю: Богъ съ ними, и такъ натерпѣлись, бѣдныги.

1914 г.

Доля солдатская.

Сидѣлъ солдатъ въ окопахъ, и осень сидитъ и зиму сидитъ, и захотѣлось ему на родинѣ побывать.

— Хоть бы, — говоритъ, — чортъ меня туда снесъ, глазкомъ взглянуть!

А онъ тутъ-какъ-тутъ.

— Ты, — говоритъ, — Королевъ, меня звалъ?

— Звалъ.

— Домой захотѣлъ?

— Да мнѣ бы на недѣльку.

— Изволь, на три, — чортъ растопырился, — давай въ обмѣнъ душу!

— А какъ же я службу брошу?

— Я за тебя.

И рѣшено было у солдата съ чортомъ: солдатъ недѣлю и другую и третью на родинѣ проживетъ, а чортъ это время въ окопахъ просидитъ.

— Ну, скидывай! — сказалъ чортъ солдату.

Солдатъ снялъ съ себя шинель, шапку, подалъ чорту и ружье отдалъ. И не успѣлъ опомниться, какъ очутился дома.

А чортъ кое-какъ ремни подвязалъ и залегъ съ ружьемъ.

Дѣло-то ему непривычно, думалъ, что какъ-нибудь обойдется, а въ первую же ночь хвостъ къ землѣ примерзъ, ужъ отдиравъ, отдиравъ, едва высвободился. А ничего не подлаешь, — служба! Да и голодно: привыкъ по трактирамъ шататься, а тутъ тебѣ не трактиръ. И самъ ужъ не знаетъ, что въ голову полѣзло: извѣстно, какая ужъ совѣсть, а тутъ послали

выбивать штыками, — рука не подымается, вѣ родѣ какѣ жалко.

Недѣля прошла, — за годѣ показалась. Полегоньку завшивѣлѣ чортѣ, а бородища отросла во! — ни на что не похоже.

Такѣ и сидѣлѣ чортѣ вѣ окопахѣ, мерзѣ да зубами щелкалѣ. И ужѣ чья-то добрая душа чорту вѣ окопы кисетѣ прислала. Ко хвосту его чортѣ придѣлалѣ, а легче не стало.

Наконецѣ-то насталѣ срокѣ солдату.

Простился солдатѣ сѣ домашними.

— Невозможно, — говоритѣ, — больше оставаться, прощайте! — и опять попалѣ вѣ окопы.

А чортѣ, какѣ завидѣлѣ солдата, все сѣ себя долой.

— Ну, — говоритѣ, — сѣ вашей и службой-то солдатской! И какѣ это вы терпите?.. — да стрелача изѣ окоповѣ, забылѣ и про душу.

1914 г.

Шишокъ.

Если другой разъ и человѣка ни по чемъ не беретъ пуля, то противъ нечистой силы что плевокъ, что пуля.

Стояли солдаты въ землѣ не нашей, очереди дожидались и заскучали, стоявши. Вотъ онъ и задумалъ подшутить надъ ними.

— Стрѣляйте, — говоритъ, — въ меня, сколько влѣзетъ, мнѣ ничего не будетъ! — и сталъ самъ мишенью.

Ну, и выискались охотники, нацѣлятся — выстрѣлятъ, а онъ сейчасъ же пулю изъ себя, и несетъ тому, что стрѣлялъ.

Диву давались солдаты.

А былъ одинъ старичокъ въ обозѣ, — угодники-то нынче, слышно, всѣ туда, на войну ушли! — и говоритъ старичокъ солдатамъ:

— И чего вы, други, мудрить надъ собой даетесь, да и добро по-пусту изводить грѣшно!

— А какъ бы намъ, дѣдушка, его осилить?

— А очень просто, — старичокъ-то все зналъ, — только зря не годится: отместитъ, окаянный.

Стали приставать къ старику, скажи да скажи. А ужъ шишокъ, видно, смѣтилъ и что-то не слышно стало. Старичокъ и открылъ тайность.

— Очень просто: пуговицу накрестъ разрѣжь, заряди ружье и стрѣляй, — завертится!

Ну, схватились было искать, туда-сюда...

А тутъ такое пошло, не до того, ужъ: вдругъ повалилъ на-стоящій, гляди, не зѣвай, — силища страсть, и откуда только берется, такъ и претъ.

Да Богъ далъ, изъ бѣды вышли. .

Отсталъ отъ товарищей Куринъ, изъ третьей роты, не за-
валящій солдатъ, во! — папироску закуришь. Туда пойдетъ, нѣтъ
дороги, повернетъ въ сторону, — и того хуже. Такъ и проби-
рался на волю Божью, а ужъ едва ноги волочитъ, ой, приш-
лось туго!

Бредетъ Куринъ мимо пруда и видитъ: сидитъ на плотинѣ...
узналъ, онъ самый, ногами въ водѣ бултыхаетъ, а рожу на Ку-
рина, языкъ высунулъ, дразнитъ:

„Что, молъ, ничего, солдатъ, не сдѣлаешь!“

И такъ это Курина досадно стало, вспомнилъ онъ старичка,
про что старичокъ-то сказывалъ, подошелъ поближе къ пло-
тинѣ, живо отхватилъ пуговицу, зарядилъ ружье, прицѣлился
да какъ трахнулъ.

Такъ того въ прахъ.

— Ага! — словно обрадовался кто-то.

Только и услышалъ Куринъ, ноги соскользнули.

И сказывали, безъ вѣсти солдатъ сгинулъ.

1915 г.

Солдатъ.

1.

Служилъ солдатъ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлъ и трудился, во сколькихъ бояхъ побывалъ, ужъ смерть какъ на него зубы точила, да Богъ миловалъ, цѣлъ остался. А вернулся, нѣтъ у него ни угла, ни крова, три сухаря въ сумкѣ, — доживай вѣкъ, какъ знаешь!

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

Вотъ ходитъ онъ день, и другой, и третій, кончилъ всѣ сухари и, хоть ложись, да протягивай ноги, нѣтъ больше силъ...

И видитъ солдатъ, идетъ ему навстрѣчу человѣкъ такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

— Куда глаза глядятъ, добрый человѣкъ! — и рассказалъ солдатъ всю свою жизнь, какъ служилъ царю вѣрой и правдой, за родину терпѣлъ и трудился.

— Ну, правильно ты прожилъ, солдатъ, въ семъ вѣкѣ, ступай въ царство небесное!

А это самъ Господь былъ.

Поблагодарилъ солдатъ за такую милость.

„Вотъ когда поживу-то!“ — и пошелъ по дорожкѣ направо.

Долго-ли, коротко-ли, достигъ солдатъ райскаго мѣста.

И ужъ такая тамъ благодать: какія поля, какіе луга! — ходитъ солдатъ, только диву дается. Насмотрѣлся, наглядѣлся всякихъ чудесъ, покурить захотѣлось, а табаку ни крошки. Вотъ онъ и туда заглянетъ, и сюда зайдетъ, — зданія все огромныя, какъ дворецъ, ни одной лавчонки.

А шли изъ лѣсочка праведные старцы. Солдатъ къ нимъ:
— Покурить больно хочется, нельзя-ли какъ, старички, табаку раздобыться!
— Какой такой табакъ! Что ты, солдатъ, нешто тутъ этимъ балуются?
И такъ его пощуняли, ужъ не радъ, что связался.
Сильно солдату досталось.
А курить смерть хочется.
— Можетъ, гдѣ его тайная продажа есть? — да мѣстностей-то онъ не знаетъ и спросить ужъ боязно.

2.

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.
И опять ему навстрѣчу тотъ человѣкъ, такой чудный.
— Что это ты, солдатъ, голову повѣсилъ? Или тебя кто обидѣлъ?
А это самъ Господь былъ.
— Терпѣнья нѣтъ, курить хочется.
— Ну, коли такъ, ступай по той вонъ дорожкѣ: тамъ все есть!
Поблагодарилъ солдатъ, повернулъ налѣво, да скорѣй въ путь.
А ужъ бѣсы бѣгутъ навстрѣчу, лапками такъ и разметываютъ.
И припекать стало, да солдату что, — видывалъ и не такое: одинъ вошиный зубъ чего стоитъ!
Обступили бѣсы, жужжатъ, что пчелы.
— Что тебѣ, солдатъ, угодно? Да не надо ли чего? Да мы все тебѣ, что хочешь! Рады служить! Приказывай!
Солдатъ отъ нихъ отбиваться, — летѣли бѣсы, какъ пули, — ну, гдѣ на землю приляжетъ, гдѣ ползкомъ. Какъ ни какъ, добрался до самаго пекла.
— Дайте, — говоритъ, — мѣстечко, передохну малость.
Тутъ его бѣсы подъ-ручки, посадили въ уголъ, въ родъ, какъ у плиты жаркой.
— А что, табачишко найдется? — спросилъ солдатъ бѣсовъ.
— Есть! Сколько хочешь!

— Да, не хочешь-ли папиросовъ?

— Все равно, что есть, то и ладно.

И натащили бѣсы махорки — страсть! Кури, сколько влѣзетъ.

Покурилъ солдатъ хорошо, и вздумалось ему вздремнуть съ пути. Да только это дѣло не сладилось. Стали бѣсы его прижимать: кто за руку дернетъ, кто за ногу, кто коготкомъ погладить. Онъ ужъ что-то ни дѣлалъ, нѣтъ, лѣзутъ!

День прошелъ и другой прошелъ, и сталъ пообвыкать солдатъ въ пеклѣ. Табакъ, слава Богу, есть, и опять же тепло, жить можно, и одно только тошно: ужъ очень пристають. И пустился на выдумки, какъ бы такъ оградиться отъ нечистой силы.

Вотъ взялъ солдатъ шнуръ, вынулъ кусочекъ мѣлку, намѣлилъ шнуръ и давай мѣрить пекло.

3.

Сначала-то бѣсы ничего, только подъ руку подталкивали, а потомъ смекнули, должно быть, что затѣваетъ солдатъ неладное, подскочилъ одинъ чертъ...

— Что ты, — говоритъ, — солдатъ, дѣлаешь?

— Развѣ ослѣпъ, не видишь, мѣряю: церкву хочу поставить. У васъ тутъ и помолиться негдѣ.

Какъ бросится чортъ къ главному чорту.

— Дѣдушка, погляди-ка, солдатъ-то что выдумалъ, хочетъ церкву у насъ поставить!

Поднялся самъ, пошелъ провѣрить.

И правда, трудится солдатъ, ползаетъ со шнуркомъ — пекло мѣритъ: хочетъ въ пеклѣ церкву поставить.

— Онъ еще и насъ заставитъ молиться! — захныкали бѣсы.

Ну, сейчасъ же отрядилъ главный бѣсъ пословъ въ небесное царство съ жалобой на солдата.

— Какого солдата прислали въ пекло! Хочетъ церкву поставить! Нешто это возможно, въ пеклѣ — церква!

— А зачѣмъ такихъ къ себѣ принимаете? — сказали въ царствѣ небесномъ.

— Да возьмите его отъ насъ! — просятъ бѣсы.

— А какъ его взять, разъ самъ пожелалъ.

Такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— Что намъ теперь, бѣднымъ, дѣлать, закадитъ, замолитъ насъ солдатъ несчастныхъ! — завопилъ самъ ихъ главный.

Тутъ, откуда ни возьмись, выскочилъ одинъ бѣсенокъ, пискунъ называется, такъ востроносенькій.

— Сдери, — говоритъ, — дѣдушка, съ меня кожицу, нятяни барабанъ и пускай съ барабаномъ выйдетъ кто за ворота и забьетъ тревогу. Солдатъ живо самъ уйдетъ.

Вѣдь, какую умную штуку придумалъ, даромъ что и званіе то — пискунъ!

Содралъ дѣдъ съ бѣсенка кожу, натянулъ барабанъ.

— Смотрите жъ, — наказываетъ чертямъ, — выскочитъ солдатъ изъ пекла, и сейчасъ запирайте ворота, а то еще, чего добраго, опять ворвется, и ужъ пропадай съ нимъ!

4.

Забилы черти тревогу.

Солдатъ какъ услышалъ барабанный бой, да сломя голову бѣжать изъ ада, всѣхъ чертей распугалъ, словно бѣшенный. Выскочилъ за ворота.

А имъ только того и надо, — ворота хлопъ и заперлися.

Осмотрѣлся солдатъ: никого, и тревоги больше не слышно. Повернулъ назадъ, торкнулся, — заперто. Давай стучать.

— Отворяйте, черти! Ворота ломаю!

А они изъ-подъ воротни только хвостиками помахиваютъ:

— Нѣтъ, братъ, дудки! Ступай, куда хочешь, намъ безъ тебя веселѣе. Не пу-устимъ!

Куда теперь солдату?

Слава Богу, что еще кисетъ съ чертячьей махоркой цѣлъ! Покурилъ солдатъ съ горя и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ, шелъ и повстрѣчался ему тотъ чело-вѣкъ, такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

И самъ не знаю. Выперли меня черти.

— Ну, куда-жь я тебя, Устиновъ, дѣну? Послалъ въ царство небесное — не хорошо, послалъ въ адъ, — и тамъ не поладилъ.

— Да хоть на часахъ гдѣ постоять!

— Ладно, становись у тѣхъ вратъ, видишь. Да смотри, зря никого не пускай.

А это самъ Господь былъ.

Самъ Господь ко своимъ вратамъ небеснымъ поставилъ на часы солдата.

Поблагодарилъ солдатъ и пошелъ, сталъ на часы.

И вотъ идетъ... глаза выпятила, зубы оскалила.

— Кто идетъ?

— Смерть.

— Куда?

— Къ Богу.

— Зачѣмъ?

— За повелѣніемъ, кого морить прикажетъ.

— погоди, — остановилъ солдатъ, — самъ пойду, спрошу!

5.

А было повелѣніе отъ Господа Бога, чтобы три года морила смерть самый старый людъ.

Солдату жалко, — стариковъ стало жалко.

Вышелъ и говоритъ смерти:

— Ступай, смерть, по лѣсамъ, грызи три года самый старый дубъ.

Заплакала смерть:

— И за что Господь такъ прогнѣвался, — посылаетъ дубы грызть!

А послушаться не смѣетъ, и побрела въ лѣсъ. И три года шаталась тамъ, въ лѣсу тамъ, выбирала вѣковые дубы, подгрызала ихъ подъ корень, три года трудилась ночь и день.

Изошли три года, и воротилась смерть къ Богу.

— Зачѣмъ опять? — остановилъ солдатъ.

— За повелѣніемъ, кого Господь прикажетъ морить.

— погоди, я самъ пойду.

И было повелѣніе отъ Господа Бога три года морить смерти молодой народъ.

А солдату жалко: братьевъ вспомнилъ, — вѣдь, всѣхъ ихъ уморитъ смерть.

Вышелъ и говоритъ смерти:

— Ступай назадъ, три года точи молодые дубки. Такъ Господь приказалъ.

Заплакала смерть:

— И за что, Господи, на меня гнѣваешься!

А послушаться нельзя: не по своей волѣ смерть смертью по міру ходитъ, не сама беретъ, а повелѣнное. И побрела въ лѣсъ и три года точила молодые дубки, измаялась.

Изошли три года, вернулась смерть за повелѣніемъ.

И въ третій разъ не допустилъ ее солдатъ, самъ пошелъ.

А было повелѣніе отъ Господа Бога три года морить смерти младенцевъ

Жалко солдату, — ребятишекъ жалко.

И велѣлъ солдатъ смерти итти опять въ тотъ самый лѣсъ, три года по кустикамъ лазать, заячью долю ѣсть.

— Господи, за что Ты меня мучаешь! — заплакала смерть, а пошла, и три года по кустамъ питалась листьями, извелась вся: извѣстно, не заяцъ, на листочкахъ-то долго не продержишься!

Идетъ... едва ноги передвигаетъ. Вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру и валится.

„Ну, — думаетъ, — расцарапаюсь съ солдатомъ, а дойду сама до Господа Бога. Девять годовъ Онъ меня наказуетъ!“

Солдатъ окликнулъ.

Молчитъ, лѣзетъ на крыльцо.

Тутъ солдатъ ее за горбушку. А та его косяшкой. И такой поднялся шумъ, не дай Богъ.

6.

И выходитъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный.

— Что такое?

А это самъ Господь былъ.

Упала смерть Ему въ ноги.

— Господи! За что на меня прогнѣвался? Девять годовѣ я мучаюсь, по лѣсамъ таскаюсь: три года вѣковой дубѣ грызла, три года дубки точила, три года глодала листики.

А солдатѣ винится: проститѣ его Господь, очень ужѣ жалко ему народа!

И повелѣлъ Господь девять годовѣ носить солдату смерть на закоркахъ, кормить орѣхомъ, чтобы смерть поправилась.

И тотчасѣ смерть такѣ и сѣла верхомъ на солдата.

А солдатѣ — дѣлать нечего, Божье повелѣніе! — встряхнулѣ ее и повезѣ. Уже возилѣ онѣ ее, возилѣ по лѣсу, у орѣшенья, нажралась смерть орѣхами.

— Вези, — кричитѣ костлявая, — прокати меня, солдатѣ, по дубравушкѣ! — и залопотала что-то по своему, пѣсню, что-ли смѣртную.

Пѣсня-то пѣсней, Богѣ сѣ нею, пускай себѣ, да трудно сѣ такою ношей, а крѣпится — повелѣнное надо исполнить.

Приостановился солдатѣ, вытащилѣ изѣ-за голенища кисетѣ, закурилѣ.

Увидала смерть.

— Солдатѣ, дай и мнѣ покурить!

А солдатѣ ей кисетѣ, — развязалѣ.

— Полѣзай, — говоритѣ, — и кури, сколько хочешь.

Извѣстно, смерть вѣ чемѣ-вѣ чемѣ, а на счетѣ табаку плохо, и что и кѣ чему, ничего тутѣ не понимаетѣ.

И юркнула вѣ кисетѣ.

А солдатѣ, не будѣ дуракѣ, закрутилѣ кисетѣ, да за голенище. И ужѣ налегкѣ пошелѣ опять ко вратамѣ небеснымѣ, сталѣ на часы, какѣ ни вѣ чемѣ не бывало.

И идетѣ тотѣ самый человѣкѣ, такой чудный, увидѣлъ солдата.

— А смерть гдѣ?

— Со мной.

— Гдѣ сѣ тобой?

— Да за голенищемѣ.

— А ну, покажи?

Солдатѣ мнетѣ: выскочитѣ смерть изѣ кисета, засядетѣ на закорки и опять носи ее.

— Покажи, я тебя прощаю.
Солдатъ вытащилъ кисетъ, развязалъ.
А смерть — у! такъ и скакнула на него, да прямо на плечи.
— У, солдатикъ!
И повелѣлъ Господь Богъ смерти уморить солдата.
Соскочила смерть на землю.
— Ну, солдатъ, слышалъ?
— Слышалъ, такая воля Божья! Стало быть, помирать надо.
Тутъ его смерть и уморила.

1914 г.

За русскую землю.

Вечеромъ на Невскомъ встрѣтилъ я новобранцевъ. Изъ трамвая я ихъ увидѣлъ. Очень ихъ много было — цѣлый полкъ, и такіе все молодцы — одинъ къ одному, въ новенькихъ полушубкахъ и шапкахъ барашковыхъ.

Кто-то изъ трамвайныхъ сосѣдей моихъ сказалъ, что это ратники, а гонятъ ихъ издалека.

А какъ они шли ходко и твердо!

Двѣ молодыя бабы едва поспѣвали, бабы бѣжали о-бокъ. Что говорить, подѣ стать мужьямъ, такія же. Но какъ онѣ бѣжали и, кажется, будь у нихъ крылья, онѣ полетѣли бы! И глаза такіе, ну, какъ изъ сказки, у Василисы, глаза, какъ колдуньи.

Я соскочилъ съ трамвая. Весь полкъ пропустилъ. Перешелъ на тротуаръ и съ другими прохожими, — всѣ мы очень торопились, — нагналъ у Литейнаго средніе ряды.

А какъ они шли ходко и твердо!

Никогда не забуду, какъ у Аничкова моста одинъ вышелъ изъ ряду. И Василиса остановилась.

Пусть же будетъ для нихъ этотъ каменный мостъ калиновымъ — счастливый! — и они поцѣловались.

Не оглядываясь, побѣжалъ онъ догонять товарищей, а она пошла назадъ. И все оглядывалась. Пройдетъ немного и огля-

нется, и опять идетъ, и опять оглянется. И ужъ за трамваями скрылись казенныя повозки съ сундуками, и въ вечернемъ сыромъ туманѣ лишь вспыхивали огоньки фонарей трамвайныхъ, а она все оглядывалась, точно и сквозь туманъ непроглядный видѣла, и не могла не оглянуться, не могла наглядѣться...

Оттого ли, что кормилицей моею была солдатка... и вотъ я почувствовалъ отъ ея слезъ горькихъ такъ близко всю горечь разлуки. Я словно вспомнилъ и тѣ часы, когда она, захлебнувшись отъ слезъ, меня кормила, и тѣ ночи, когда я кричалъ отъ ея затаенной тоски.

У Знаменья Василису встрѣтила закутанная въ клѣтчатыя платокъ старуха въ старенькомъ полушубкѣ, — это его мать. Не угнаться было за сыномъ, и съ вокзала дошла она до Знаменья, тутъ и поджидала.

И я видѣлъ, какъ обѣ стали передъ образомъ, тутъ за оградой, и какъ старуха-мать, кладя крестъ своей землистой темной рукой, долго и крѣпко держала сложенные для крестнаго знаменія пальцы на темномъ, какъ родимая земля, изборожденномъ лбу, — къ Знаменію, послѣдней заступающей защитѣ... къ кому-же ей обратиться въ ея горькой разлукѣ? — помиловать просила, еще разъ увидѣть сына и ужъ навѣки закрыть глаза, отъ земли уйти въ родимую землю, за которую шелъ умирать ея сынъ.

И потомъ я видѣлъ, какъ онѣ переходили площадь мимо памятника къ вокзалу и какъ старуха-мать вдругъ обернулась и истово перекрестила вслѣдъ великимъ благословеніемъ своимъ на жизнь и смерть — сама земля наша сына своего.

Какъ-то вечеромъ выбрался я по сосѣдству къ знакомымъ. Съ войны у нихъ не былъ, а раньше, приходилось, засиживался и за полночь, и помню, запала мнѣ одна особенность ихъ дома: встрѣчалъ меня всегда швейцаръ — молодой такой толковый парень Иванъ, а выпускала жена его Ольга. И это, какъ мнѣ однажды объяснили, такой ужъ завелся распорядокъ у нихъ: они недавно женаты, и вотъ Ольга, чтобы не будить мужа: — ему, вѣдь, цѣлый день у двери дежурить! — сама по ночамъ вставала открывать дверь.

Какая трогательная заботливость! Оба молодые, оба здоровые — какъ берегли другъ друга!

И мнѣ запомнилось: Иванъ да Ольга.

Противъ обыкновенія, у дверей никого не оказалось, и я самъ поднялся на лифтѣ. Я себѣ объяснилъ это тѣмъ, что по нынѣшнему времени мало ли какой случай: — въ домѣ былъ лазаретъ, — и всегда могли куда-нибудь услатъ Ивана. Не засиживаясь поздно, ушелъ я изъ гостей въ-время, и, хотя еще былъ часъ до полночи, у дверей я встрѣтилъ не Ивана, а Ольгу. И сразу не узналъ: въ черномъ платочкѣ и какая-то красная, не похожая на Ольгу Зазнобину.

Тутъ только я понялъ, — конечно, Иванъ на войнѣ!

— Что-жъ, Иванъ, — спросилъ я, — пишетъ съ войны?

Ольга, не отвѣчая, пошарила гдѣ-то у себя на груди и подала открытку.

И мнѣ сразу бросилось — съ краснымъ крестомъ штемпель и число... совсѣмъ на-дняхъ!

„Дорогая Оля! Пишу Вамъ неприятный привѣтъ, что Ивана Зазнобина убили ружейнымъ огнемъ въ правый глазъ на пружкой границе у города Гостиннова, больше писать нечего“.

— Не помиловалъ Господь! — сказала Ольга и посмотрѣла, какъ тамъ, на мосту Василиса, нѣтъ, не такъ...

Мнѣ хотѣлось сказать ей... но увидѣвъ эти глаза — какъ она посмотрѣла: „не помиловалъ!“ — я вернулъ ей открытку и пошелъ...

1914 г.

Бѣлая пасха.

Какъ настанетъ на Поморьѣ тѣмное время холодное съ трескунами морозами — нѣтъ конца зимы. А придетъ Спиридонъ, станутъ дни прибывать на овсяно зерно, тутъ поднимется вѣтеръ и дуетъ и дуетъ, а за вѣтромъ — бѣлая кутня съ виньгомъ, со свистомъ, какъ закуделитъ: глазъ раскрыть не могли!

Попъ Вакулъ съ дѣячкомъ Яковомъ только и знай, что печку топили. Да дрова-то попались не колки. Ужъ Яковъ языкъ отъ колокола отвязалъ, языкомъ по обуху колотилъ, такъ дрова и кололъ.

Печь ли жаркая, кутня ли бѣлая, выбили изъ ума дни у попа.

„Посту-то надо быть конецъ, — думаетъ Вакулъ, — а когда Пасха, Господь вѣдаетъ!“

И посылаетъ дѣячка.

— Сходи, — говоритъ, — Яковъ, къ попу Аникѣ на за-рѣку, спроси, когда Пасха?

А попъ Аника — за десять верстъ отъ Вакулы, и дѣло его ни чуть не лучше: до церкви не дойти, за снѣгъ запнешься. Попъ Аника о ту пору самъ задумался и своего дѣячка шлетъ къ Вакулѣ за тѣмъ же.

Вотъ на полпути Яковъ и встрѣтилъ кума. И что имъ дѣлать, не знаютъ. Стали посередь дороги, смотрятъ, гдѣ на деревнѣ печь топится, и рѣшаютъ итти на дымокъ, спросить, не знаетъ-ли кто изъ крещеныхъ. Идутъ по деревнѣ, а ужъ въ вечеряхъ было, и видятъ, старуха Савиха молока крынку тащитъ.

— Бабушка, куда съ молокомъ-то бѣжишь?

— Что вы, дѣточки, вѣдь, завтра Пасха!

Кумѣ — кѣ Аникѣ, Яковѣ — кѣ Вакулѣ.

Пришелѣ Яковѣ, а ужѣ ночь.

— Батюшка, завтра Пасха, пора кѣ заутренѣ звонить.

Всполошился Вакулѣ.

— Бѣги скорѣй, звони!

Яковѣ бѣгомѣ на колокольню, хватѣ, а у колокола языка нѣтъ. Эка напасть! Слѣзѣ сѣ колокольни, взялѣ лопату и давай у овина, гдѣ дрова кололѣ, снѣгѣ разрывать. И пока-то искалѣ языкѣ, да нашелѣ, да привязалѣ, стало свѣтать.

Тутѣ и народѣ понабрался, свѣчи зажгли — огоньки пасхальные.

Взялѣ Вакулѣ крестѣ, — руки стынутѣ, — и сталѣ градить крестомѣ.

— Христосѣ воскресѣ!

И запѣли по пасхальному.

А на волѣ кутня куделитѣ, заливается со свистомѣ, сѣ виньгомѣ, валитѣ бѣлыя сугробныя забойни.

— Христосѣ воскресѣ!

Слушаетѣ Савиха, красный огонекѣ свѣчи колыбается, вспоминаетѣ бабушка...

„Гдѣ-то дѣточки горемычныя?“

И словами старыми молитѣ и проситѣ за родимое Поморье, за землю крещеную.

— Христосѣ воскресѣ!

По пустынному Поморью глубоки снѣги.

1915 г.

ЗЕМЛЯ ТАЙНОСТИ.

Хлѣбный голосѣ.

Жилѣ-былѣ царѣ. И какѣ не стало царицы, царѣ и призадумался: и то худо, что царицы нѣтъ, да на то воля Божья, и опять-же хозяйство на рукахѣ и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, какѣ у людей есть, а ему на старости лѣтъ дай Богѣ съ царствомѣ-то управиться.

А было у царя три сына, всѣ трое женаты, при отцѣ жили. Вотѣ царѣ и призвалѣ къ себѣ снохѣ, и старшую и среднюю и младшую, и рѣшилѣ испытать, кому изѣ нихѣ большухой быть.

— Какой, — говоритѣ, — голосѣ дальше слышенѣ?

Старшая думала, думала, — какой голосѣ?

— Да вотѣ, — говоритѣ, — батюшка, намени бычокѣ за Москва-рѣкой рычалѣ, такѣ у Андроньева на обѣднѣ слышно было.

— Эка, дурѣха! — отставилѣ царѣ старшую сноху и къ средней: — какой голосѣ дальше слышно?

— Пѣтухѣ у насѣ, батюшка, седни пѣлѣ по утру, а вѣ Соколинкахѣ у мамушки слышали, Софоровна сказывала.

Царѣ только бороду погладилѣ: ну, чего съ такой спросишь? — и къ младшей:

— Какой голосѣ дальше слышно?

— Не смѣю, батюшка, сказать, сами знаете.

— Какѣ такѣ, говори, не бойсь.

— Хлѣбный голосѣ дальше слышно.

— Какой такой хлѣбный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормитъ, да голоднаго не забываетъ, накормитъ, согрѣетъ, утѣшитъ, про того далеко слышно.

— Ну, — говоритъ царь, — умница ты, Поля, по-русски сказала, такъ и будь ты большухой.

— И пошло съ эгихъ поръ на Руси — хлѣбный голосъ всѣхъ дальше слышенъ.

1914 г.

Голѣ-камень.

Шли двѣ богомолки кѣ святымѣ мѣстамѣ помолиться, пристала кѣ нимѣ третья, — баба какѣ баба, а голосѣ мужичій, все словно сѣ дубу рветѣ, и ни разу вѣ дорогѣ не перекрестилась.

Шли, шли, стали кѣ монастырю подходить, а эта самая ихѣ товарка, Богѣ ее знаетѣ, отстала. Оглянулись богомолки, что больно долго, а та себѣ вѣ землю грязнетѣ: что ни ступитѣ, то дальше уходитѣ, и ушла по поясѣ.

Богомолки со страха пятиться, — пятились, пятились, да задомѣ и побѣжали, добѣжали до монастыря, схватили монаха, да сѣ монахомѣ назадѣ.

— Кайся, окаянная, что ты сдѣлала!

А та себѣ грязнетѣ, едва языкомѣ воротитѣ.

— ... и мѣсяцѣ не разѣ скрадывала, я людей портила! — больше языкѣ ужѣ не повернулся.

— Будь ты отнынѣ и до вѣку анафема проклята! — какѣ крикнутѣ, она и пошла сквозѣ землю, да сѣ гуломѣ, да сѣ шумомѣ.

И на томѣ самомѣ мѣстѣ голѣ-камень оказался, проклятое мѣсто.

1914 г.

ПчелякѢ.

У пчеляка пчелѢ было пропасть, тысячи пеньковѢ стояло, а лошадь не водилась. А у лошевода, его сосѣда, лошадей сколько хочешь — отличные кони, а пчелѢ и вѢ заводѢ нѣтъ.

РазѢ сосѣдѢ сѢ сосѣдомѢ и разговорились:

— Скажи пожалуйста, почему у тебя лошадямѢ водѢ, а у меня нѣтъ?

А тотѢ ему:

— Скажи ты, почему у тебя пчелы, а у меня нѣтъ, тогда и я скажу.

РазговорѢ-то зашелѢ мирно, да оба сѢ норовомѢ — не уступаютѢ. Перекорялись, перекорялись, пчелякѢ первый сдался:

— Изволь, я скажу.

И повелѢ сосѣда на пчельникѢ, привелѢ вѢ избенку, положилѢ меду полную тарелку, да вѢ подпечекѢ и сунулѢ.

И высаканула оттуда лягушка и ну медѢ ѣсть, и все сѢла, всю тарелку до-чиста облизала, да опять назадѢ все вѢ подпечекѢ и отрыгнула. И стало лягушку раздувать, больше да больше, и стала лягушка сѢ быка.

— Полѣзай ей вѢ ротѢ!

— Нѣтъ, не полѣзу! — испугался лошеводѢ.

— Полѣзай, а то пропадешь!

— Не полѣзу!

— Не полѣзешь? — пчелякѢ за ножѢ, лошевода колоть.

— Стой! — кричитѢ лошеводѢ, — теперь я скажу тебѢ, отчего у меня лошадямѢ водѢ.

Да скорѣе сѢ пчельника и повелѢ пчеляка кѢ своему гумну.

— Отчего же у тебя лошадямъ водѣ?

— А оттого, что лошадушекъ моихъ кормлю: по десять фунтовъ муки замѣшиваю да полмѣры овса даю.

— Этакъ-то я и безъ тебя знаю, еще бы лошади не водились, коли ихъ кормить!

— А ты какъ-же думалъ, что не кормя можно?

Ну, на это сказать нечего, и ушелъ пчелякъ къ себѣ на пчельникъ.

1914 г.

Урвина.

Дѣвки устроили съ парнями вечеринку. И началось неладомъ: однѣ дѣвки своихъ парней больше пригласили, что любы имъ были, а тѣхъ не пригласили, которые другимъ были любы, ну, и разожглись другъ на друга. И хоть съ виду и помирились, и пошло, какъ ни въ чемъ, веселье — плясѣ и смѣшки, и хихиньки, да въ сердцѣ-то затаили.

Однѣ дѣвки своимъ парнямъ пѣсни поютъ, другія — своимъ, парни пьютъ да дѣвокъ потчуютъ. А какъ подпили, ужъ все перемѣшалось, только стонъ стоитъ. И чего-чего не вытворяли, на какія выдумки не пускались, а все будто мало.

Тутъ сердце-то и заговорило: одна обиженная дѣвка и пришепни счастливой, а той — море по-колѣно. Подговорила та свою подругу, одѣлись, да тихонько изъ избы и вышли. И — вѣдь что придумать! — на кладбище пошли дѣвки, вынули тамъ двухъ мертвецовъ изъ общей могилы, завернули мертвецовъ въ рогожи, да на своихъ косахъ и приволокли въ избу, да за печку ихъ и поставили.

А сидѣла на печкѣ дѣвченка Машутка и все видѣла, — испугалась дѣвченка мертвецовъ-то, молчитъ, прижалась въ уголокъ, сердешная.

Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а никому и не въ догадъ, что тамъ за печкой, какіе такіе гости пожаловали.

Ужъ стали мертвецы пошевеливаться.

— Что, братъ, разогрѣваешься?

— Разогрѣваюсь, братъ.

— И я, братъ, разогрѣваюсь.

Машутка-то на печкѣ не пикнетѣ, а вся изба, ей горя нѣтъ, пляшетѣ, ой, весело!

Вѣ самую полночь дѣвка обиженная, что на такое дѣло надоумила, и говоритѣ подругамѣ счастливымѣ:

— Спойте вашимѣ молодцамѣ пѣсенку, да повеселѣй, плясую! — сама подмигиваетѣ: понимай, какимѣ молодцамѣ запечнымѣ!

Дѣвки и запѣли пѣсню веселую. И проняла до сердца мертвецовѣ пѣсня: мертвецы вдругѣ стали огненные, какѣ головни горящія, языки высунули, изо рта пламя пошло, жупелѣ, а сзади вытянулись, помахиваютѣ собачьи хвосты.

Какѣ ихѣ вѣ пѣснѣ-то стали величать, какѣ они изѣ-за печки-то выскочатѣ, да вѣ горницу, и давай плясать по-своему и кривляться, и ломаться, и кувыркатѣся, да дѣвокѣ и парней лягать, пламенемѣ, жупеломѣ палить, да за бороду да за косы рвать.

Куда тебѣ и хмель вонѣ, ноги подкосились: кто гдѣ стоялѣ, такѣ тутѣ ничкомѣ и грохнулся.

А мертвецы, знай, пляшутѣ, не могутѣ стать — дали имѣ волю, и рады бы, не могутѣ, пляшутѣ — половицы вонѣ изѣ полу летятѣ, посуда прыгаетѣ, все вдребезги, все вѣ черепки.

До пѣтуховѣ мертвецы плясали и, какѣ запѣлѣ пѣтухѣ, такѣ сквозь землю и провалились, инда земля застонала.

По утру пришелѣ народѣ, смотрятѣ — кто безѣ головы, кто безѣ руки, кто безѣ ноги, кто безѣ бороды, кто безѣ косы, и всѣ мертвы, а посреди избы — урвина, сама бездонная, дна не достать.

А Машутку сняли сѣ печки, едва откачали дѣвченку: и! напугалась-то какѣ, сердешная! Машутка про все и рассказала.

1914 г.

Кабачная кикимора.

1.

Кабакъ стоялъ на юру у оврага, оврагъ осыпался, и кабакъ чуть лѣпился на оврагѣ. Дважды въ недѣлю въ селѣ были большіе базары, и въ кабакѣ шла большая торговля. Да цѣловальникъ не долго сидѣлъ въ кабакѣ, живо проторговывался: находили недочетъ, а, главное, большую усышку вина и разсыропку. Въ откупной конторѣ много было толку о кабакѣ, и странно было, что всѣ цѣловальники рассказывали одно и то же, какъ ровно въ полночь кто-то въ кабакѣ вино цѣдитъ, когда-же зажигали свѣчку, видѣли вродѣ хомяка — хомякъ бѣгъ отъ бочки и прямо подъ полъ, въ нору. Кабакъ перестали сымать, и даже даромъ, безъ залогу, никто не сымалъ, кабакъ стоялъ заброшенъ.

Одинъ пьянчужка, не разъ штрафованный и пойманный въ пріемъ краденаго, промотался и попалъ въ большую крайность, а былъ онъ человѣкъ семейный, не глупый и отчаяная голова. Ему-то откупъ и предложилъ кабакъ. Пьянчужка согласился: все лучше, чѣмъ ходить изъ кабака въ кабакъ.

Въ первую же ночь цѣловальникъ заготовилъ свѣчку, спичекъ, положилъ топоръ на стойку, выпилъ полуштофъ и завалялся спать.

— Теперь хоть самъ чортъ приходи, никого не боюсь! — и заснулъ.

И слышитъ цѣловальникъ, кто-то цѣдитъ изъ разливной бочки, зажегъ свѣчку, топоръ въ руки, осмотрѣлся и — къ бочкѣ.

Видитѣ, печати цѣлы и только краинѣ полуотворенѣ. Постукалѣ топоромѣ въ бочку — звукѣ не тотѣ, вина, стало-быть, меньше; сорвалѣ печать, накинулѣ мѣрникѣ, — такѣ и есть: трехѣ ведерѣ, какѣ не бывало.

— Чортѣ что-ли отлилѣ! Коли чортѣ, покажись! Я чертей не боюсь, до чортиковѣ не разѣ допивался, не привыкать стать видѣть вашего брата! — и ужѣ протакаялѣ такѣ, какѣ душѣ хотѣлось.

Подѣ поломѣ раздался трескѣ, — стала половица поворачиваться и стало изѣ-подѣ пола дерево выростать. Все растетѣ и растетѣ — сучья, вѣтви, листья, все выше и шире, ужѣ закрываютѣ кабакѣ и склонились надѣ головою.

Цѣловальникѣ взмахнулѣ топоромѣ и ну рубить.

— Такѣ, братѣ, вотѣ какѣ по-нашему! Я тебѣ удружу.

Вдругѣ топорѣ словно во что воткнулся — нѣтѣ возможности сдвинуть: чья-то рука удерживала топорѣ.

— Пусти меня! — цѣловальникѣ не струсилѣ, — знаю, чортѣ, пусти! Я рубить буду!

И слышитѣ, надѣ самой головой кто-то тихо такѣ и кротко:

— Послушай, любезный, не руби! Это — я.

— Да ты кто?

— Мы сѣ тобой будемѣ друзьями, и ты будешь счастливѣ.

— Да кто ты? Говори толкомѣ! И топорѣ пусти, выпить хочу.

— Ну, братѣ поднеси и мнѣ.

— Да какѣ же я тебѣ поднесу, коли тебя не вижу!

— Ты меня никогда не увидишь... впрочемѣ, когда прощаться буду, можетѣ, покажусь.

— Правду говоришь?

— Давай выпьемѣ, потомѣ и поговоримѣ.

— Ну пусти-жѣ топорѣ.

Топорѣ высвободился.

Цѣловальникѣ зашелѣ за стойку, взялѣ штофѣ и хотѣлѣ наливать.

— Послушай, любезный, — остановилѣ его голосѣ, — ты много не пей. Для насѣ довольно и полуштофа. Возьми вонѣ тотѣ, у него донышко проверчено, въ немѣ, братѣ, вино хорошее, не испорчено еще.

— А ты откуда знаешь? Я самъ принималъ посуду: всѣ полуштофы были цѣлы.

— А ты ходилъ отпускать вино-то мужику?

— Ходилъ.

— Тебѣ нарочно дистаночный и подмѣнилъ полуштофъ, чтобы напередъ узнать, будешь ли здѣсь мошенничать.

Цѣловальникъ взялъ полуштофъ, посмотрѣлъ передъ свѣчкой — и въ правду, на днѣ дырка проверчена, воскомъ залѣплена.

— Ну, чортова образина, теперь ужъ я вѣрю, что ты чортъ.

— А ты не ругайся, друзьями будемъ. Угости лучше!

Цѣловальникъ налилъ два стакана, свой выпилъ, — самъ скосился, что будетъ — другой стаканъ поднялся и такъ въ воздухъ и опрокинулся, будто его кто пилъ, и такъ сухо, что и капли не осталось, только кто-то крикнулъ:

— Ну, братъ, спасибо за угощение.

— Спасибо-то, спасибо, а ты мнѣ Расскажи, кто ты.

— Расскажу потомъ. А теперь слушай: всякій день въ полдень и въ полночь ставъ въ чело на заслонку стаканъ вина, да на меду лепешку. Этимъ я и буду кормиться, а ты себѣ торгуй. И не бойся ни повѣренныхъ, ни дистаночныхъ, ни подсылныхъ, я буду предупреждать: за версты узнаешь, кто ѣдетъ и кто подосланъ. Ложись и спи. Да образовъ, пожалуйста, не ставъ, да и молебны не служи. А какъ я отсюда черезъ годъ уйду — отъ кабака до кабака скитаюсь, вотъ я какой! — такъ и ты выходи, а то худо будетъ. Слышалъ?

— Слышалъ.

— Такъ и поступай.

Цѣловальникъ выпилъ еще стаканъ и легъ.

А дерево стало все меньше и меньше, ниже и ниже, и скрылось подъ поломъ, и половица опять легла на свое мѣсто, какъ и въ чемъ не бывало.

И свѣчка погасла.

2.

На другой день былъ базаръ.

Цѣловальникъ по утру всталъ рано. Торговля открылась хорошая, и онъ полупьяный, торговалъ цѣлый день, и ни въ

чемъ не обсчитался. Къ вечеру провѣрилъ выручку и смекнулъ, что лучше торговать и не придумашь, а что ночью тотъ ему говорилъ, онъ все исполнилъ: не забылъ угостить и въ полдень и въ полночь и виномъ и лепешкой.

Съ этого дня цѣловальникъ торговалъ всѣмъ на зависть. Никогда онъ не попадалъ подъ штрафъ, а продавалъ вино разсыропленное, онъ всегда зналъ, кто изъ дистанчныхъ или повѣренныхъ придетъ къ нему за провѣркой, и былъ наготовѣ.

Диву давались ловкости его, а больше тому, что хоть пилъ, а пьянъ не напивался.

Прошелъ годъ.

И вотъ въ годовую полночь, когда цѣловальникъ, по обыкновенію, спалъ себѣ мирно на стойкѣ, вдругъ по кабаку голосъ:

— Прощай, братъ. Ухожу. Завтра и ты выходи!

— Ну, что-жъ! — цѣловальникъ поднялся, — ты мнѣ все-таки покажись!

— Возьми ведро воды и смотри.

Цѣловальникъ взялъ ведро, зажегъ свѣчку и сталъ смотрѣть на воду. И увидѣлъ, прежде всего, себя, ну, лицо извѣстное, и долго только это одно и видѣлъ, инда въ глазахъ зарябило, и какъ-то вдругъ съ лѣваго плеча увидѣлъ другое, — черноглазый, чернобровый и, какъ мѣлъ, бѣлый, а въ щекахъ словно розовые листочки врѣзаны.

— Видишь?

— Вижу.

Кто-то вздохнулъ, и все пропало.

И всю ночь въ трубѣ былъ вопъ и плачъ.

3.

Цѣловальникъ на утро не ушелъ, а, какъ всегда, отворилъ кабакъ — хотѣлъ еще зашибить копѣйку. Но попался: нагрязнулъ дистанчный и жестоко оштрафовалъ.

Тутъ только онъ схватился и сейчасъ же сдалъ должность.

И ужъ больше не цѣловальникъ, купилъ онъ на награбленныя деньги постоялый дворъ, пересталъ пить и сдѣлался набожнымъ человекомъ.

1914 г.

Магнитъ-камень.

Шелъ улицей старецъ по духовному дѣлу и повстрѣчалъ молодыхъ: парня съ молодой хозяйкой. Заглядѣлся старецъ на молодуху, — сколько жилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, сколько видывалъ всякихъ, а такой не видѣлъ.

— Гдѣ, добрый молодецъ, ты такую красавицу взялъ?

— Господь далъ, дѣдушка.

— Можетъ ли это быть... Дай-ка я помолюсь, дастъ ли?

— Дастъ и тебѣ, дѣдушка.

Съ тѣмъ и попрощались. Молодые пошли по своимъ дѣламъ, а старецъ повернулъ въ свое скитное мѣсто.

И круглый годъ молился старецъ Богу, просилъ Бога дать ему такую красавицу, какъ тому встрѣчному счастливому парню. А былъ старецъ великой вѣры, и молитва его была горяча и чиста и неустанна.

Случилось о ту пору, задумалъ царь царевну замужъ выдавать и кликнулъ царь кличъ по всему царству, чтобы охотники ко дворцу явились смотрѣть царевну. А была царевна такая красавица, краше ея и не было.

Дошелъ кличъ и до старца. Въ послѣдній разъ помолился старецъ и вышелъ изъ своего скитнаго мѣста и прямо къ царскому дворцу. Подходитъ къ воротамъ и просится въ палаты съ царемъ поговорить. Доложили часовые, и велѣлъ царь пустить къ себѣ старца.

Палъ старецъ передъ царемъ на колѣни.

— Что ты, дѣдушка? — спрашиваетъ царь.

А старецѣ подняться самѣ ужѣ не можетѣ, старѣ очень.

Поднялѣ его царѣ, усадилѣ сѣ собой. Отдышался старикѣ.

— Ну, что же ты, дѣдушка?

— Да вотѣ наслышался про вашу дочку-царевну, свататься пришелѣ. Отдадите или нѣтъ?

Слушаетѣ царѣ, ушамѣ не вѣритѣ. Что за притча? Сперва-то даже страшно стало: не указаніе ли какое? Сталѣ спрашивать старика, откуда онѣ и какой жизни. И рассказалѣ ему о себѣ старецѣ, какѣ отѣ юности своей ушелѣ онѣ отѣ міра и вѣ чистотѣ прожилѣ вѣ трудахѣ скитскихѣ.

Видитѣ царѣ, старикѣ жизни хорошей, и говоритѣ ему:

— Послушай, Ѳеодосей, человекѣ ты толковый, до такихѣ лѣтъ дожилѣ, дай Богѣ каждому, самѣ ты понимаешь, ну куда тебѣ жениться?

А старикѣ одно свое заладилѣ, и ничѣмѣ его не собьешь и никакимѣ словомѣ не остановишь: пришелѣ царевну сватать, да и только.

— Я сѣ дочери воли не снимаю, — говоритѣ царѣ, — ступай кѣ ней: какѣ она скажетѣ, такѣ и будетѣ.

Простился старецѣ сѣ царемѣ, и провели старика кѣ царевнѣ вѣ палату.

— Что тебѣ, дѣдушка надо? — спросила царевна.

— Да вотѣ сватать васѣ пришелѣ. Пойдете или нѣтъ?

Переглянулась царевна сѣ сестрами и говоритѣ:

— Подумаю, — говоритѣ, — выйдите на немного вѣ прихожую.

Вышелѣ старецѣ. Стоитѣ у двери, дожидается, а самѣ думаетѣ:

„Господи, неужели по молитвѣ моей не дастся мнѣ!“ — и вспоминаетѣ, какѣ тотѣ парень сказалѣ: „Дастся и тебѣ!“

А ужѣ отѣ царевны требуютѣ.

— Ну, что, царевна?

— Я пойду за тебя, — говоритѣ царевна, — дай только отсрочки сѣ добромѣ справиться!

А сестры ея тутѣ же стоятѣ и смѣются.

— А сколько, царевна?

— На три года.

— На три года! Да я до той поры умру, царевна. Нѣтъ либо нынче, либо завтра свадьба.

— Ну, хоть на два года, — проситъ царевна.

Старикъ не сдается.

— Ну, хоть на годъ!

— На три недѣли, царевна.

— Ладно, — согласилась царевна, — только такъ просто я за тебя не пойду, а достань ты мнѣ магнитъ-камень, тогда и пойду.

А сестры ея тутъ же стоятъ и смѣются.

Попрошавшись старецъ съ царевной и пошелъ себѣ изъ дворца.

Не то, что достать, а онъ съ роду родовъ не видывалъ, какой это магнитъ-камень.

Вышелъ старецъ въ чистое поле, стоитъ и повертывается на четыре стороны.

— Господи, даешь мнѣ царевну, а гдѣ я магнитъ-камень найду?

И видитъ, въ сторонѣ лѣса чуть огонекъ мигаетъ. И пошелъ онъ на огонекъ. Шелъ, шелъ, — а тамъ келейка стоитъ. Постучалъ — не отзываются, отворилъ дверь — нѣтъ никого. И вошелъ въ келейку, присѣлъ на лавку, сидитъ и думаетъ:

„Гдѣ же я магнитъ-камень найду?“

И отвѣчаетъ ему ровно бы человѣчьимъ голосомъ:

— Эхъ, Федосей, выпусти меня, я тебѣ магнитъ-камень достану.

— Кто ты?

— Все равно не поймешь, зачѣмъ тебѣ.

— Гдѣ же ты сидишь?

— Въ рукомоиникъ; выпусти, пожалуйста.

Старикъ думаетъ, чего же не выпустить, коли магнитъ-камень достанетъ! Да насилу отыскалъ рукомоиникъ: отъ старости то очень глазами слабъ сталъ.

И выпустилъ, — словно что-то выскользнуло, — не то мышъ, не то гадъ.

Бѣсъ разлетѣлся съ гуся и улетѣлъ.

„Ну, — хватился старикъ, — чего это я надѣлалъ!“

А ужъ тотъ назадъ летитъ, и камень въ лапахъ.

— Вотъ тебѣ, получай!

Осмотрѣлъ старецъ камень, потрогалъ, — вотъ онъ какой магнитъ-камень! А самъ себѣ думаетъ: „Какъ же такъ, освобо-

дилъ онѣ нечистую силу, и за то вѣ отвѣтъ будетъ!“ И говоритъ бѣсу:

— Вотъ ты такой огромный, гусь, а залѣзъ вѣ такую малую щёлку?

А бѣсъ говоритъ:

— Да я, дѣдушка, какимъ хочешь могу сдѣлаться!

— Ну, сдѣлайся мушкой.

И вотъ бѣсъ изъ гуся сталъ вдругъ мухой, самой маленькой мушкой.

Старецъ инда присѣлъ: не упустить бы.

— Пожужжи!

Бѣсъ пожужжалъ.

— Ну, полѣзай теперь на старое мѣсто, а я посмотрю, какъ это ты туда пролѣзешь...

Тотъ съ дуру-то и влѣзъ. Влѣзъ, а старецъ его и зааминилъ.

Не съ пустыми руками, съ камнемъ — съ магнитомъ-каменемъ пришелъ старецъ къ царевнѣ.

— Вотъ тебѣ царевна, — и показываетъ камень.

Посмотрѣла царевна: магнитъ камень!

— Ну, стало быть, судьба моя, собирайся вѣнчаться.

А старецъ и говоритъ:

— Нѣтъ, царевна. Куда мнѣ? Я годъ молился. Я только Господа исповѣдалъ. И теперь вижу, и больше мнѣ ничего не надо. Прощай царевна.

И пошелъ вѣ свое скитное мѣсто, доживать вѣ трудахъ послѣдніе дни.

1914 г.

Яйцо ягиное.

1.

Баба-яга снесла яйцо.

Куда ей? — не курица, сидѣть нѣтъ охоты. Завернула она яйцо въ тряпицу, вынесла на заячью тропку, да подѣ кустѣ. Думала, слава Богу, сбыла, а яйцо о кочку кокнулось — и вышелъ изъ него дѣтенышъ и заоралъ. Дѣлать нечего, забрала его Яга въ лапища и назадъ въ избушку.

И росъ у нея въ избушкѣ этотъ самый сынъ ея ягиный.

Ну, тутъ трошка-на-одной-ножкѣ и всякія соломины-воромины и гады, и птицы, и звѣри, и сама старая лягушка хромая принялись за него во-всю — и учили, и ладили, и тесали, и обламывали, и вышелъ изъ него не простой человекъ — Балдахалъ-чернокнижникъ.

А стоялъ за лѣсомъ монастырь и спасались въ немъ святыя старцы, и много отъ нихъ Ягѣ вреда бывало, а Яга-баба на старцевъ зубъ точила.

И вотъ посылаетъ она свое отродье.

— Пойди, — говоритъ, — въ Залѣсную пустынь, намыль голову шахлатымъ, чтобы не забывались!

А ему это ничего не стоитъ, такое придумаетъ — не поздорится.

И вотъ, подѣ видомъ странника, отправился этотъ самый Балдахалъ въ Залѣсную пустынь.

2.

Монастырь окруженъ былъ стѣною, четверо воротъ съ четырехъ сторонъ вели въ ограду, и у каждаго воротъ, неотлучно,

день и ночь пребывали старцы, разумѣвшіе слово Божье: у южныхъ — Василианъ, у сѣверныхъ — Теофилъ, у восточныхъ — Алипій и у западныхъ, главныхъ — Мелетій.

Балдахалъ, какъ подступилъ къ воротамъ, и затѣялъ споръ, и посрамилъ трехъ старцевъ.

— Кто переспоритъ, того и вѣра правѣй! — напалъ нечестивый на послѣдняго, четвертаго старца у воротъ главныхъ.

И день спорятъ, и другой, и къ концу третьяго дня заслалъ старецъ Мелетій.

Замѣшалась братія. И положила молебень отслужить о прибавленіи ума и разумѣнія. Да съ перепугу-то, кто во что: кто Мурина отъ блуда, кто Вонифатію отъ пьянства, кто Антипъ отъ зуба. Ну, и пошла завроха.

А ужъ Балдахалъ прижалъ Мелетія къ стѣнѣ и вотъ-вотъ въ ограду войдетъ и тогда замутился весь монастырь.

3.

Былъ въ монастырѣ древній старецъ Оилоеѣй, прозорливецъ, святой жизни. И какъ на грѣхъ удался старецъ въ пустынное мѣсто на гору и тамъ пребывалъ въ бдѣніи, и только что келейникъ его Митрофанъ съ нимъ.

Видитъ братія, дѣло плохо, безъ Оилоеѣя ума не собрать ни откуда, и пустилась на хитрость, чтобы какъ-нибудь дать знать старцу, сманить съ горы. А случилось, что на трапезу въ тотъ день готовилъ поваръ ушки съ грибами. И велѣно ему было такой ушокъ сдѣлать покрупнѣе да съ грибомъ вмѣстѣ письмо запечь, да, погода, поставить въ духовку, чтобы закалился.

И когда все было готово, подбросили этотъ каленый ушокъ къ главнымъ воротамъ на стѣну перемета.

И вотъ, откуда ни возьмись, орелъ — и унесъ ушокъ.

4.

Старецъ Оилоеѣй сидѣлъ въ своей нагорной кельѣ, углубившись въ Святое Писанье. А келейникъ прибиралъ келью, понесъ соръ изъ кельи, глядь — орелъ кружитъ. И все ниже и

ниже и прямо на Митрофана, положилъ къ ногамъ ношу и улетѣлъ.

— Что за чудеса!—со страхомъ поднялъ Митрофанъ ушокъ каленый да скорѣе въ келью къ старцу.

И какъ раскрыли, а оттуда письмо, и все тамъ прописано о старцахъ и о Балдахалѣ.

„Хочетъ проклятый обратить насъ въ треокаянную вѣру! Соблазнилъ трехъ старцевъ, за Мелетія взялся, и ему не сдобровать“.

— Что жъ, идти мнѣ придется, что-ли? — сказалъ старецъ.

— Благословите, батюшка, я пойду! — вызвался келейникъ.

— Подъ силу ли тебѣ, Митрофанъ? — усумнился старецъ, — а ну-ка, давай испытаю: я представляюсь нечестивцемъ Балдахаломъ и буду тебя совращать — толковать Писаніе неправильно, а ты мнѣ говори правильно.

Митрофанъ крякнулъ, подтянулъ ременный поясъ и ну вопрошать старца. И, ревнуя о вѣрѣ, въ такой пришелъ ражъ, всего-то исплевалъ старца, и, поднявъ персты, ничего уже не слыша, вопилъ:

— Побѣдихомъ!

Не малаго стоило старцу унять его.

Опомнившись, съ рыданіемъ приступилъ Митрофанъ къ старцу, прося прощеніе.

Старецъ сказалъ:

— Богъ проститъ. Это знаменіе, — побѣдишь проклятаго!

И, благословивъ на прою, далъ ему кота, зеркальце да зеренъ горстку.

— Гряди во славу!

5.

Съ котомъ подъ мышку вышелъ Митрофанъ на великую прою.

А Балдахалъ давнымъ-давно прикончилъ съ Мелетіемъ, вошелъ въ ограду, да въ монастырскихъ прудахъ и купается.

— Пускай-де съ меня сойдетъ вся скверна: упрѣлъ больно съ дураками!

Услышалъ это Митрофанъ и тутъ же, на бережку, расположился, досталъ кувшинъ, напихалъ въ него всякой дряни, да и полощетъ: обмыть старается. А ничего не выходитъ, все дрянъ сочится.

Балдахалъ кричитъ:

— Дуракъ, въ кувшинъ сперва вымой!

Задѣло Митрофана:

— А ты чего лаешь, самъ себѣ нутро очисти!

— Экій умникъ, — размѣхнулся Балдахалъ, — тебя только не доставало.

Вылѣзъ изъ прудовъ и, въ чемъ былъ, книгу въ охапку да къ Митрофану.

И началась у нихъ пря.

И съ первыхъ же словъ сталъ нечистый сбивать съ толку Митрофана. Растерялся было Митрофанъ и видитъ — мышка указываетъ усикомъ Балдахалу по книгѣ. Митроха за кота: выпустилъ Варсофонія. Варсофоній за мышкой — и пошелъ ужъ не тотъ разговоръ. Да не надолго. Опять нечистый взялъ силу. И видитъ Митрофанъ — голубь ходитъ по книгѣ, лапкой указываетъ Балдахалу. Митрофанъ за зерно, посыпалъ зернышка — и пошелъ голубь отъ книги, ну клевать, наклевался, отяжелѣлъ и ни съ мѣста. И Балдахалъ запнулся. Да вывернулся проклятый. И не знаетъ Митрофанъ, что ему и дѣлать: ни словъ нѣтъ, ни разуму! И вспомнилъ тутъ о зеркальцѣ, вытащилъ его, да какъ заглянетъ — и самъ себя не узналъ: откуда что взялось! Балдахалъ только глаза таращитъ, и вдругъ поднялся надъ землею и понесся. Осѣнилъ себя Митрофанъ крестнымъ знаменіемъ и за нимъ вдогонку, только полы раздуваются да сапогъ о сапогъ стучитъ. И занеслись они такъ высоко — къ звѣздамъ, тамъ гдѣ звѣзды вертятся, и не дай Богъ коснуться: завьютъ, закрутятъ и падешь, какъ камень.

— Эй, — кричитъ Митроха, — гляди, не напорись!

— А что тамъ? Что такое?

— А вотъ подбрось-ка туда космы.

Балдахалъ сграбасталъ пятернею свои космы да и подбросилъ — и хоть бы волосокъ на головѣ остался, гола, что колънка.

„Ну, слава Богу, хоть голова-то уцѣлѣла!“

И раздумался. Видитѣ, что врагѣ — добрый человекѣ: предостерегѣ! И удивился.

Тутѣ его Митрофанѣ и зацапалѣ, и повелѣ вѣ заточеніе.

6.

Кельи вѣ монастырѣ стояли безѣ запора — такѣ и по уставу полагалось, да и не кѣ чему было: разбойники братію не обижали. И только одна казна книжная подѣ замкомѣ держалась, чтобы зря книги не трогали да не по уму не брали. Вѣ эту казну книжную и заточилѣ Митрофанѣ Балдахала.

И тамѣ трое сутокѣ держалѣ его, нечистаго, безѣ выпуска.

Вѣ первый-то день, какѣ завалился Балдахалѣ на книги, такѣ до полудня второго дня и дрыхнулѣ безѣ просыпа, а потомѣ, надо какѣ нибудѣ время убить, взялся перебирать книги. И вотѣ вѣ одной рукописной — подголовкомѣ ему служила — бросилось вѣ глаза пророчественное слово.

А написано было, что вѣ нѣкое новое лѣто явится вѣ Залѣсную пустынь нечестивецѣ, именемѣ Балдахалѣ, и обратитѣ вѣ свою треокаянную вѣру четырехѣ привратныхѣ старцевѣ — Мелетія, Алипія, Теофила, Василіана, а сѣ ними замутится братія, и одинѣ лишь келейникѣ святого старца Оилофея, Митрофанѣ, смиритѣ его.

Вглядѣлся Балдахалѣ вѣ буквы, потрогалѣ пергаменѣ, понюхалѣ — времена древнія, и устыдился.

„И чего я такое дѣлаю, окаянный!“ — и давай жалобно кликать.

И когда на кличѣ его жалкій на утро третьяго дня пришелѣ Митрофанѣ и сѣ нимѣ старцы и братія, посрамленная отѣ нечестиваго, палѣ Балдахалѣ предѣ нимѣ на колѣна, раскаялся и обратился кѣ правой вѣрѣ. И передѣ лицомѣ всего собора далѣ крѣпкую клятву переписать всѣ книги, загаженные имѣ вѣ заточеніи, и новую написать во осужденіе бывшего своего нечестія.

Вѣ лѣсѣ же кѣ Ягѣ больше не вернулся, трудникомѣ вѣ монастырѣ остался Балдахалѣ жить при сторожкѣ.

Спрыгъ-трава.

Затѣялѣ одинѣ дошлый на Ивана-Купалу спрыгъ-траву
искать — цвѣтѣ купальскій. Извѣстно, сами морголютки нелад-
ные и тѣ тогда ладно жить сѣ тобой будутѣ!

Вымылся онѣ вѣ банѣ, надѣлѣ чистую рубаху, досталѣ бѣ-
лый платокѣ, да сѣ платкомѣ, какѣ стемнѣло, и пошелѣ вѣ
лѣсѣ. И вѣ лѣсу тамѣ на полянѣ очертилѣ три круга, разостлалѣ
подѣ папоротникомѣ платокѣ, присѣлѣ, ждетѣ, что будетѣ.

Вотѣ слышитѣ, шумѣ по лѣсу, трескѣ, какіе-то звѣри дерутся,
а тамѣ стукѣ, чего-то дѣлаютѣ, и словно земля вся начинаетѣ
кончаться, и вдругѣ набѣжалѣ вихорѣ страшный — приблизилась
полночь.

И ровно вѣ полночь тихо папоротникѣ расцвѣлѣ, какѣ
звѣздочка.

И стали цвѣтки на платокѣ падать, и насыпало много, какѣ
звѣздочки.

Тутѣ зря зѣвать не годится, завязалѣ онѣ цвѣты вѣ узелокѣ,
но только что ступилѣ, откуда ни возмись медвѣди, начальство,
саблями такѣ и машутѣ.

— Брось, — кричатѣ, — а то голову долой!

И за руки хотятѣ схватить.

И вдругѣ война началась, такая пошла рѣзня — бѣда! Изѣ
пушекѣ палятѣ, раненые валятся.

— Изѣ-за тебя проливаемѣ кровь! Брось!

И появилась высокая каменная стѣна, и воткнуты вѣ стѣнѣ
копья прямо передѣ глазами, того и гляди, выколуютѣ глазѣ.

И стала земля проваливаться, и остался онъ на одной кочкѣ. Все водой заливаеѣ — буря страшная, волны такъ и хлещутъ. Снѣгъ пошелъ.

Тонетъ народъ, кричитъ, просятъ бросить цвѣтокъ.

— А то, — кричатъ, — измаялись наши душеньки!

И вдругъ, видитъ, запылала деревня, и домъ свой видитъ, — горитъ, и какіе-то черные съ крючками топочутъ вокругъ.

— Не пускай! Не пускай его! Пускай горитъ!

А вѣтеръ такъ и воетъ, подкидываетъ бревна, несетъ головни, вся земля горитъ.

Не живъ, не мертвъ, дрожкой дрожитъ, а держитъ узелокъ, не выпускаетъ изъ рукъ — будь, что будетъ! А они, черные, ужъ такъ и этакъ стараются достать его: крючки закидываютъ, да не могутъ, — за кругомъ стоятъ.

И разсвѣло. Солнце взошло. Слава Богу, миновалось. Онъ и пошелъ изъ лѣсу, а лѣсъ зеленый, птицы поютъ — заслушаешься.

Шелъ, шелъ, — узелокъ въ рукъ держитъ.

Вдругъ слышитъ, позади кто-то ѣдетъ. Оглянулся, — катитъ въ красной рубахѣ и на него, налетѣлъ на него, да какъ жиганетъ со всего маху, узелокъ изъ рукъ и выпалъ.

Смотритъ, — ночь, какъ была ночь. И нѣтъ ничего, одинъ бѣлый платокъ подъ папоротникомъ лежитъ, а самъ онъ, какъ есть мокрый: купальская росная была ночь.

1914 г.

Банные анчутки.

Во всякой банѣ живетъ свой банникъ. Не поладишь, — кричитъ по-павлиньи. У банника есть дѣти — банные анчутки: сами маленькіе, черненькіе, мохнатенькіе, ноги ежиныя, а голова гола, что у татарченка, а женятся они на кикиморахъ, и такіе же сами проказы, что твои кикиморы.

Душа, дѣвка безстрашная, пошла ночью въ баню.

— Я, — говоритъ, — въ банѣ за ночь рубашку сошью и назадъ ворочусь.

Въ банѣ поставила она углей корчагу, а то шить ей не видно. Наскоро сметываетъ рубашку, отъ огоньковъ ей видно.

Къ полночи близко анчутки и вышли.

Смотритъ, а они мохнатенькіе, черненькіе у корчаги уголья, у! — раздуваютъ.

И бѣгаютъ, и бѣгаютъ.

А Душа шьетъ себѣ, ничего не боится.

Побоишься! Бѣгали, бѣгали, кругомъ обступили, да гвоздики ей въ подолъ и ну вколачивать.

Гвоздикъ вколотитъ:

— Такъ. Не уйдешь!

Другой вколотитъ:

— Такъ. Не уйдешь!

— Наша, — шепчутъ ей, — Душа, наша, не уйдешь!

И видитъ Душа, что и вправду не уйти, не встать ей теперь, весь подолъ къ полу прибитъ, да догадлива дѣвка, начала съ себя помаленьку рубаху спускать съ сарафаномъ. А

какъ спустила всю, да вонѣ изѣ бани сѣ шитой рубахой и ужѣ тутѣ у порога такѣ вѣ снѣгѣ и грохнулась.

Что говорить, любятѣ анчутки проказить, а ужѣ надѣ дѣвкой подыграть имѣ всегда любо.

Выдавали Душу замужѣ. Истопили на дѣвишникѣ баню и пошли дѣвки сѣ невѣстой мыться, а анчутки — имѣ своя забота, — они тутѣ-какѣ-тутѣ, и ну бѣсить дѣвокѣ.

Дѣвки-то изѣ бани-то нагишемѣ вѣ садѣ и высыпали на дорогу и давай бѣситься: которая пляшетѣ, да поетѣ что есть голосу не-вѣсть что, которыя другѣ на дружкѣ верхомѣ ѣздятѣ, и визжатѣ и хоркаютѣ по меренячѣ.

Едва смирили. Пришлось отпаивать парнымѣ молокомѣ сѣ медомѣ. Думали, что дѣвки бѣлены обѣѣлись, смотрѣли, — нигдѣ не нашли. А это они, это анчутки ягатые, нащекотали усы дѣвкамѣ!

Дурная молва пошла, перестали баню топить.

Приѣхалѣ на ярмарку кумѣ Бубловѣ печникѣ, сорви голова, куда сама Душа! Вздумалѣ сѣ дороги попариться, его стращаютѣ, а ему чего — Бубловѣ! — и пошелѣ вѣ баню.

Поддалѣ, помоталѣ вѣникѣ вѣ пару, хватѣ — сѣ вѣника дождикѣ льетѣ, взглянулѣ, а онѣ вѣ сосулькахѣ. Какѣ броситѣ вѣникѣ, да сѣ полка хмылѣ изѣ бани, прибѣжалѣ вѣ горницу.

— Ну, говоритѣ, — теперь вѣрю, что у васѣ за баня.

— Это тебѣ, кумѣ, попритчилось, видно! — смѣются.

Ну, при честномѣ народѣ разсиживаться нагишомѣ не очень годится, сходили вѣ баню за Бубловой рубахой и штанами, принесли узелокѣ. Развернули, а они всѣ-то вѣ лепетки изорваны. Такѣ всѣ и ахнули.

Вотѣ, они какіе, анчутки банные.

А малымѣ ребятамѣ они ничего не дѣлаютѣ, и днемѣ при нихѣ не скрываются, по своимѣ дѣламѣ ходятѣ, какѣ при своихѣ, черненькіе такіе, мохнатенькіе, ноги ежиныя, а голова гола, что у татарченка.

1914 г.

Нужда.

Первое, видѣть надо и все узнать... не узнаешь — не почувствуешь, не почувствуешь — не откликнешься, не откликнешься — не будешь свой, не будешь свой — изомрешь.

Росѣ царевичѣ до всего вострый и чтобы все самому, задумалѣ царство объѣздить, всю державу вывѣдать — и кто какѣ живетѣ и кому чего надо, чтобы вѣрою править и правдой судить.

Слушаетѣ, бывало, царь мальчика, не натѣшится — и вѣ кого такой зародился! — то-то гораздѣ.

— Я, батюшка, все самѣ хочу знать! — скажетѣ и смотритѣ, и такѣ, ровно уголечки глаза горятѣ: дай подростетѣ, будетѣ первымѣ царемѣ, не пропадетѣ сѣ такимѣ русское царство.

Отпускалѣ царь царевича — сына, куда ему любо: пускай ѣздитѣ одинѣ по бѣлому свѣту. Только что Тимофей сѣ нимѣ кучерѣ.

Вотѣ разѣ вѣѣзжаетѣ царевичѣ на тройкѣ вѣ село подѣ Москвою.

А морозило крѣпко и отѣ мороза не только что люди, шавки и тѣ попрятались всѣ по конуркамѣ, а отѣ коней такѣ парѣ и валитѣ. И видитѣ царевичѣ, на краю дороги мужиченко дрова рубитѣ, вотѣ какѣ рѣзко рубитѣ — лицо отѣ морозу разгорается, а видно, не можетѣ согрѣться, ужѣ очень одеженка-то худа.

— Богѣ помощь тебѣ, крещеный!

— А спасибожѣ, царевичѣ.

— Вѣ такую стужу ты рубишь?

— Не я, царевичъ, нужда рубитъ.

Царевичъ къ Тимоѳею:

— А что, Тимоѳей, какая это нужда? Ты ее знаешь?

Усмѣхнулся во весь ротъ царскій кучеръ, инда съ бороды сосульки поскакали, а паръ лошадиный пошелъ.

— Запamятовалъ что-то... Намъ харчи сытныe.

— Какая-же это нужда? — соскочилъ царевичъ съ саней да къ мужиченкѣ, — гдѣ она у тебя, мнѣ бы ее поглядѣть!

— На что тебѣ, царевичъ, и не дай Богъ съ ней познаться!

— Нѣтъ, мнѣ ее надо видѣть!

А тамъ въ чистомъ полѣ на бугринѣ стояла со снѣгомъ былина.

— А вонъ, царевичъ, на бугринѣ стоитъ! Эвона какъ отъ вѣтру шатается.

— Веди насъ, покажи.

— Можно, — положилъ мужиченко топоръ, прикрылъ вѣтками.

Вотъ сѣли на тройку и поѣхали въ чистое поле глядѣть нужду. И скоро выѣхали на бугоръ, миновали былинку, а за нею тамъ дальше другая стоитъ.

— Гдѣ же нужда?

— А вонъ — вонъ за тою былинкой... Только ѣхать нельзя: снѣгъ глубокъ.

Царевичъ соскочилъ съ саней.

— Покарауль-ка, крещеный, пойду погляжу.

И пошелъ, ну и Тимоѳей за нимъ, — царская служба, — нельзя.

И полѣзли по снѣгу: былинку пройдутъ, другая маячитъ, къ другой подойдутъ.

— Гдѣ-же нужда?

А мужиченко стоялъ и стоялъ у саней, караулилъ. Иззябъ, окоченѣлъ весь бѣдняга, ну, взялъ, да и выстегнулъ царскую тройку, сѣлъ, — только и видѣли.

Все по сугробу, да по сугробу, полазали вотъ какъ царевичъ съ Тимоѳеемъ, и все по-пусту, нѣтъ нигдѣ нужды, не оказывалась.

— Гдѣ, гдѣ она, эта нужда?

Ужъ смеркалось, пора было домой возвращаться, и повернули назадъ. Едва-едва на дорожку выбрались, хватъ, а лошадушекъ и слѣдъ простылъ.

Эка бѣда! Что дѣлать? И сани бросать не годится: за царское добро Тимоѳеѣ вѣ отвѣтъ.

— Впрягайся вѣ корень, а я на пристяжку! — говоритъ царевичъ.

А Тимоѳеѣ думаетъ себѣ: такъ не годится.

— Такъ не годится, я простой человѣкъ, тебѣ царевичъ, вѣ корень, а я на пристяжку.

Запряглись и поѣхали. Везутъ и везутъ, повезутъ и пристанутъ.

А тотъ мужиченко — не промахъ — поприпряталъ лошадушекъ царскихъ, да на дорогу, и пошелъ имъ на встрѣчу.

— Чтой-то ты, царевичъ, санки на себѣ везешь?

А царевичъ изъ силъ выбился, ужъ не смотритъ.

— Уйди! Это нужда везетъ.

— Какая это нужда?

— Ступай, тамъ вонъ вѣ полъ на бугринѣ!

А самъ везетъ да везетъ.

Едва до села добрались. Тимоѳеѣ на что крѣпокъ — царскій вѣдъ кучеръ! — и тотъ уморился. Слава Богу, наняли на селѣ лошадей. И пріѣхали домой вѣ Москву на троечкѣ — на чужихъ.

Спрашиваетъ царь:

— Чьи жѣ это лошади?

А царевичъ ему:

— Батюшка, я нужду увидѣлъ, лошадушекъ потерялъ!

Вотъ онъ какой — самъ нужду увидѣлъ! А станетъ царемъ, будетъ первымъ царемъ, царь первый Петръ.

1915 г.

Морока.

1.

Служилъ одинъ солдатикъ двадцать пять лѣтъ царю вѣрой и правдой, а царя въ глаза не видалъ. Пришелъ срокъ, получилъ солдатъ отставку и пошелъ домой.

Выходитъ онъ изъ города и раздумался:

„Что я за дуракъ за солдатъ, двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой царю служилъ, царя не видалъ. Спросятъ про царя, что я скажу?“ — взялъ да и повернулъ назадъ въ городъ и прямо къ царскимъ палатамъ.

У воротъ сторожа.

— Куда, землякъ, идешь? — остановили.

— А вотъ, землякъ, царя посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю служилъ, царя въ глаза не видалъ.

Доложили царю про солдата. И велѣлъ царь позвать солдата къ царю на лицо.

— Здравствуй, землякъ!

— Здравія желаю, ваше царское величество.

— Что тебѣ, землякъ, нужно?

— Лицо ваше царское посмотрѣть: двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, царя не видалъ.

Царь посадилъ солдата на лавку.

— А что, — говоритъ, — солдатикъ, загану я тебѣ загадку: сколь, солдатикъ свѣтъ великъ?

— А не очень, ваше царское величество, свѣтъ великъ: въ двадцать четыре часа солнышко кругомъ обходитъ.

— Правда, солдатъ! А сколько отъ земли до неба высоты?

— Не очень, ваше царское величество, отъ земли до неба высоко: тамъ стучатъ, здѣсь слышно.

— Ладно. А загану я тебѣ третью загадку: сколько морская глубина глубока?

— Ну, ваше царское величество, тамъ неизвѣстно: былъ у насъ дѣдъ семидесяти лѣтъ, ушелъ на тотъ свѣтъ, — и теперь его нѣтъ.

— Правда, солдатъ!

Понравились царю отвѣты, и далъ царь солдату вѣ награждение четвертной билетъ. Попрощался солдатъ, да прямо отъ царя вѣ трактирѣ.

Сутки погулялъ — десять золотыхъ прогулялъ. Жалко стало солдату царской награды.

— Вотъ, — говоритъ трактирщику, — на тебѣ мой четвертной билетъ, я пойду тебѣ золота добывать.

И пошелъ солдатъ на базаръ, купилъ морковь, сдѣлалъ десять золотыхъ, и назадъ вѣ трактирѣ, подаетъ трактирщику.

— Получайте!

Трактирщикъ золото принялъ, четвертную солдату отдалъ, а золото вѣ шкатулку спряталъ. Солдату тутъ бы и уйти съ Богомъ, а онъ, нѣтъ, у трактирщика околачивается. Вздумалъ трактирщикъ провѣрить шкатулку, хватъ, а тамъ не золото, а кружки морковные. Трактирщикъ кружки вѣ карманъ себѣ сунулъ да изъ трактира, вѣ чемъ былъ, такъ и высочилъ, да солдата за шиворотъ и прямо къ царю. И приноситъ царю на солдата жалобу, что прогулялъ солдатъ десять золотыхъ, а отдалъ десять морковныхъ кружечковъ.

— Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлся!

Трактирщикъ и вынимаетъ изъ кармана — анъ не морковь, а золото — какъ золото изъ чекану.

— Видите, ваше царское величество.

Царю то ужъ больно понравилось, отпустилъ царь трактирщика вѣ трактирѣ и говоритъ солдату:

— Молодецъ-солдатъ, сядь-ка, побесѣдуй со мной.

Присѣлъ солдатикъ на лавку, ждетъ царской воли.

— Ну-ка, солдатикъ, пошуты ты и надо мной шутку, да легоньку.

— Могу, ваше царское величество! — и проситъ царя на диванъ пересѣсть.

Послушался царь солдата, пересѣлъ на диванъ.

— А который будетъ часъ, ваше царское величество?

— Первый въ начинъ, — сказалъ царь.

И вдругъ дверь — у-у-ухъ! — полна палата воды: затопило царя на диванъ по шейку, — и ударился царь изъ палатъ своихъ бѣжать, а на дворъ ему вплавь. Куда тутъ дѣться? Ухватился онъ за лѣстницу и ну карабкаться. И покрыла матушка-полая вода всѣ лѣса темные. Сидитъ царь на конечкѣ, захлебывается. Тутъ откуда ни возмись лодка, — брякъ въ лодку. Поднялся вѣтеръ и унесло царя Богъ знаетъ куда.

Стала вода понемногу пропадать и пропала. И крѣпко захотѣлось царю поѣсть. Идетъ старуха, несетъ булочки.

— Пожалуй, бабушка, сюда, — говоритъ царь, — продай мнѣ булочку.

— Охъ, ваше царское величество, булочки-то больно жестки, ночевочки, нате поддержите, я вамъ мяконькихъ принесу.

Царь у старухи взялъ булки, держитъ, думаетъ себѣ:

„Слава Богу, хоть что-нибудь!“ — очень проголодался.

И только что хотѣлъ отщипнуть кусочекъ, идетъ надзиратель Борисовъ.

— Чего, — говоритъ, — ты тутъ держишь?

— Булочки.

— Ну-ка, я посмотрю.

Царь разжалъ руку, глядь — человѣчьи головы.

Борисовъ его цопъ — въ часть.

До утра въ части просидѣлъ, а тамъ и суду предали, да въ острогъ. И пока искали да разыскивали, натерпѣлся въ острогъ-то. И дознались, судили и засудили: приговорили къ наказанію и навѣчно въ каторгу.

„Охъ, солдатъ, солдатъ, что надо мною сдѣлалъ!“

Везутъ царя, а палачъ только усмѣхается.

И привезли на площадь, раздѣли, поставили. Взялъ палачъ двухвостный кнутъ...

— А, батюшки! — какъ закричитъ царь.

Тутъ вбѣжали въ палату сторожа-приближенные, смотрятъ: сидитъ царь на диванѣ, а противъ царя солдатъ на лавкѣ.

— Ну, спасибо, солдатъ, пошутилъ ты надо мной хорошо!

— А посмотрите-ка ваше царское величество, который часъ?

Царь-то думаетъ, что времени съ годъ прошло, а всего-то одинъ часъ прошелъ.

И попрощался царь съ солдатомъ, отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

3.

Приходитъ солдатъ въ деревню. У околицы народъ стоитъ кучкой.

— Миръ вашему стоянію, пустите ночевать!

— Пойдемъ ко мнѣ, солдатикъ, — выискался старикъ.

Ну, и пошелъ солдатъ за старикомъ. Пришли въ избу, дѣдъ и спрашиваетъ:

— А не умѣешь ли ты сказки сказывать?

— Можно, дѣдушка.

— Ну-ка, скажи.

— А что тебѣ одному сказывать, чай у тебя есть семейка?

— Есть, солдатикъ, два сына, двѣ невѣстки.

— А вотъ и хорошо, когда придутъ въ избу, всѣ и послушаютъ.

Сошлись сыновья и невѣстки, сѣли ужинать, поужинали, да и спать.

Легъ дѣдушка съ солдатомъ на полати.

— Ну-ка, солдатикъ, скажи сказку-то!

— Эхъ, дѣдушка, сказки-то я вѣдь не хорошими словами сказываю, а вонъ невѣстки сидятъ.

Старикъ перегнулся съ полатей.

— Невѣстки, живо спать!

Невѣстки дѣда послушали, постельки постелили и спать легли.

— Ну, солдатикъ, скажи теперь! — ужъ очень дѣду хочется сказку послушать.

— А что я тебѣ скажу, дѣдушка! Посмотри-ка хорошенько, кто мы съ тобой? Ты-то — медвѣдь, да и я-то медвѣдь.

Ощупался дѣдъ, пощупалъ солдата: такъ и есть — и самъ-то медвѣдь, и солдатъ-то медвѣдь.

— Медвѣди, солдатикъ.

— То-то и оно-то, что медвѣди, дѣдушка, и нечего намъ на полатяхъ разлеживаться, надо въ лѣсъ бѣжать.

— Известно, въ лѣсъ! — согласился дѣдъ.

— А смотри, дѣдушка, въ лѣсъ-то мы убѣжимъ, а тамъ охотники насъ и убьютъ. И если, дѣдушка, тебя напередъ убьютъ, такъ я черезъ тебя перекувырнусь, а если меня убьютъ, ты черезъ меня кувыркайся, — будемъ оба живы.

Прибѣжали въ лѣсъ, а охотнички тутъ-какъ-тутъ: грохъ въ солдата — и убили. Дѣдъ стоитъ: что ему дѣлать? бѣжать? — и его застрѣлятъ, и вспомнилъ, что перекувырнуться надо, перекрестился, да черезъ солдата какъ махнетъ.

— А, батюшки! — закричалъ голосомъ старикъ.

Невѣстки повскакали, огонь вздули, а дѣдъ на полу лежитъ въ растяжку: экъ, его угораздило!

— Хорошо еще Богъ спасъ! съ такой высоты!

Поднялъ солдатъ дѣда на полати — больше не надо и сказокъ! — и до свѣта ушелъ.

1914 г.

Кладъ.

Лоха былъ большой любитель до всякихъ кладовъ, и былъ у Лохи товарищъ Яковъ, тоже подъ стать Лохъ. Оба частенько на Лыковой горѣ рылись, но ничего никогда не находили.

Кладъ — съ зарокѣмъ, и нерѣдко такой зарокъ кладется: тотъ кладъ добудетъ, кто не выругается нехорошимъ словомъ, — а русскому человѣку нешто удержаться? ну, кладъ и не дается!

Разъ Лоха пошелъ за грибами на Лыкову гору, набралъ груздей, спустился съ горы, дошелъ до родничка и присѣлъ отдохнуть. А было это предъ вечеромъ, утомился Лоха съ груздями, сидитъ такъ — хорошо ему у родничка, отдыхаетъ.

И видитъ Лоха, товарищъ его Яковъ съ сухими лутошками ѣдетъ.

— Куда, братъ, ѣдешь?

— Домой.

— Возьми меня!

— А садись на заднюю-то лошадь.

Яковъ на парѣ въ разнопряжку ѣхалъ съ двумя возами.

Лоха повѣсилъ себѣ на шею лукошко съ груздями, усьлся погоняетъ лошадку.

— Кумъ, — говоритъ Яковъ, — поѣдемъ ко мнѣ горохъ ѣсть. Василиса нынче варила. Ужъ такой, что твоя сметана.

— Поѣдемъ, кумъ.

Пріѣхали къ Якову, распрягли лошадей. Яковъ впередъ въ избу пошелъ, Лоха за нимъ.

Вошелъ Лоха въ сѣни, двери-то въ избу и не найти. Кричать — а никто голоса не подаетъ. Вотъ онъ лукошко на землю

поставилъ и сталъ шарить дверь. Бился, бился — нѣту двери. Началъ молитву читать, а двери все нѣтъ, и молитва не помогаетъ. Такъ руки и опустились.

И увидѣлъ Лоха вдали свѣтъ чуть пробивается, и будто въ кузницѣ кузнецы куютъ. Поднялъ онъ съ земли лукошко и пошелъ на свѣтъ.

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзной двери, отворилъ дверь — тамъ длинный-предлинный подземный ходъ, а справа и слѣва очаги и наковальни, и кузнецы стоятъ.

Кузнецы большіе, въ бѣлыхъ, какъ кипень, одеждахъ, и у каждого очага по три кузнеца: одинъ дуетъ мѣхами, другой раскаливаетъ желѣзо, третій куетъ.

Подошелъ Лоха къ первымъ кузнецамъ — куютъ лошадиныя подковы.

— Богъ помочь вамъ, кузнечики.

Молчатъ.

Онъ къ другимъ — шины куютъ.

— Богъ помочь, кузнечики!

Молчатъ.

Онъ къ третьимъ — куютъ гвозди.

— Богъ помочь!

И эти молчатъ, только смотрятъ на него.

Ну, онъ дальше: дальше куютъ у каждого горна все разныя вещи. Онъ ужъ ни съ кѣмъ ни слова. И далеко прошелъ, уставать сталъ.

И вотъ откуда-то изъ побочнаго хода появился будто приказчикъ какой, распорядитель ихъ главный, въ кожаной одежѣ, самъ смуглый, ловкій такой парень.

— Какъ ты, — говоритъ, — Лоха, попалъ сюда? Что тебѣ надо? Денегъ? Пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу.

— Нѣтъ, родимый, — Лохъ ужъ не до денегъ, — ты меня лучше выпроводи отсюда, запутался я.

— Ну, вотъ еще! Я тебѣ напередъ покажу, а потомъ и на дорогу выведу. Пойдемъ.

И пошелъ водить Лоху по разнымъ ходамъ между кузнецами: то въ тотъ переулочъ, то въ другой, — такъ заводилъ, такъ замаялъ, могутъ не стало.

— Богъ съ тобой, съ твоими деньгами. Выпусти! — запросился Лоха.

— Сейчасъ! — да знай себѣ ведетъ, не остановится.

Наконецъ-то подвелъ къ подвалу, повернулъ ключъ въ двери, отворилъ дверь — тамъ лѣстница желѣзная, весь подвалъ фонарями освѣщенъ и полнъ золота, серебра, мѣди, желѣза, стали и чугуна. И все, какъ жаръ, горитъ.

— Видишь, Лоха, богатъ-то я какъ! Хочешь золота, хочешь серебра? Бери сколько хочется.

— Да куда мнѣ, родимый? Отпусти! Мнѣ и взять-то не во что.

— Да вотъ голицу-то насыпай.

— Не донести мнѣ.

— А ты отъ онучъ веревки отвяжи, да и перевяжи рукавицу-то.

Лоха соблазнился: ужъ очень красно золото! — насыпалъ рукавицу золотомъ, а другую тотъ насыпалъ.

— Довольно, что ли?

— Спасибо, родимый. Дай тебѣ Богъ здоровья на много лѣтъ.

— Ну, что тамъ! Благодарить не за что. А ты вотъ что, ты съ Яковомъ хлѣба намъ привези. Видѣлъ, сколько у меня работниковъ, такъ ихъ всѣхъ накормить изволь. Да, смотри, привези печенаго, намъ мукой-то не надо!

— Когда жъ тебѣ, родимый?

— Да вотъ какъ первый урожай будетъ.

— Постараюсь, родимый.

— Не забудь же.

И повелъ, вывелъ его изъ подвала да по коридорамъ, и къ какой-то трещинѣ. Тутъ и сталъ.

— Видишь, Лоха, свѣтъ?

— Вижу.

— Иди на него.

Лоха и пошелъ на свѣтъ-то, и чувствуетъ, что на воздухъ вышелъ.

Осмотрѣлся, — что за чудеса! — сидитъ онъ у родничка, гдѣ отдыхать сѣлъ, и лукошко его съ грузями, какъ поста-

вилъ, такъ и стоитъ. Взглянулъ подъ ноги, а у ногъ его голицы связанные, пощупалъ — деньги. Себѣ не вѣритъ, развязалъ малость, запустилъ руку — золото.

Темно было, чуть заря.

Поднялся Лоха, вытряхнулъ изъ лукошка грибы, положилъ въ лукошко голицы съ золотомъ, прикрылъ травой и пошелъ себѣ по дорогѣ. Да улицами-то не шелъ, а съ задняго двора и прямо къ себѣ въ амбарушку.

Разсвѣтало ужъ.

Вынулъ онъ изъ лукошка голицы, да не развязывая — въ коробъ, коробъ на замокъ, и вошелъ въ избу.

— Гдѣ это ты пропадалъ столько? — спрашиваетъ жена.

— Да чего, въ лѣсу заплутался.

— Всѣ тебя, все село, три дня искали, думали, безъ вѣсти пропалъ. Эко дѣло какое съ тобой случилось!

Поговорили, поговорили, дали поѣсть. Сильно проголодался Лоха, поѣлъ всласть, да опять въ амбарушку, легъ тамъ подъ коробомъ и заснулъ.

И видитъ онъ во снѣ, явился къ нему тотъ самый приказчикъ, распорядитель кузнечный, и говоритъ:

„Ни, Боже мой, никому не говори, что ты у меня былъ и золота взялъ. Ежели откроешь, худо тебѣ будетъ!“

Но Лоха не только что говорить или кому показывать, а съ опаски ужъ и самъ, какъ положилъ голицы въ коробъ, такъ хоть бы разъ посмотрѣлъ, какое тамъ у него въ коробу золото лежитъ. Въ амбарушку пройдетъ понавѣдаться, коробъ осмотритъ, да назадъ въ избу.

И, должно быть, замѣтили люди, что Лоха въ амбарушкѣ что-то прячетъ, что-то таитъ, о чемъ-то помалкиваетъ.

Разъ пришелъ Лоха въ амбарушку, хватъ, а короба-то и нѣтъ, — украли!

Украли его коробъ, нѣтъ золота, нѣтъ его клада.

Кто же укралъ?

Никто, какъ Яковъ-кумъ.

Лоха и объявилъ подозрѣніе на Якова. Стали Лоху допрашивать, гдѣ Лоха золотые взялъ, онъ и открылся — забылъ наказать! — все рассказалъ и про кузнецовъ и про золото.

И вернулся Лоха домой съ допроса, заглянулъ въ амбарушку, постоялъ, потужилъ, пошелъ въ избу — тоскливо ему было, прилегъ на постель, лежитъ — ой, тоскливо! И чувствуетъ Лоха, ни рукой ему двинуть, ни ногой не пошевелинуть, хотѣлъ покликать, а языкъ и не ворочается.

Такъ и остался. А какой былъ-то! — одно слово, Лоха.

1914 г.

Пупень.

Рыли бабы по-наслыху кладѣ на валу, Алена да Анисья. И вырыли бабы пупень и вдругѣ отѣ Ивана Предтечи — валѣ-то у церкви — гулѣ пошелѣ. Сѣ перепугу задрожали у бабѣ руки — пупень вѣ яму, сами присѣли. И видятѣ, идетѣ по валу старичекѣ какой-то.

— Чего, — говоритѣ, — вы, бабы, испужались?

Бабы ему вѣ ноги:

— Не губи, кладѣ роемѣ.

Ну, старичекѣ посмотрѣлѣ, посмотрѣлѣ, да и говоритѣ:

— Да нешто такѣ роютѣ? Этому кладу пора ночная.

И наставилѣ старичекѣ бабѣ на разумѣ, зря чтобы на валу не рылись, а ждали Пасху и на Пасху, между заутреней и обѣдней запаслись бы краснымѣ яичкомѣ и, кто бы на валу ни показался, похристосовались бы, не пугаясь.

— Тогда самѣ выйдетѣ!

Старичекѣ пошелѣ своей дорогой, а бабы достали изѣ ямы пупень и по домамѣ ждать Пасхи.

Протянулась осень, прошла зима, катитѣ весна-красна, а сѣ весною Пасха.

Еще на посту стало не до сна бабамѣ: какой имѣ такой кладѣ выйдетѣ!

Старичекѣ-то училѣ, запастись по яичку, а онѣ каждая себѣ по три выкрасили, подоткнулись и вѣ передникѣ положили: какѣ тотѣ появится, чтобы поскорѣ яйцо ему вѣ руку сунуть — бери, отворяй кладѣ!

Кончилась заутреня, бабы на валѣ и ну рыть. И ужѣ заступѣ сталѣ задѣвать за что-то: плита ли тамѣ чугунная, либо

котелокъ съ золотомъ? И пошелъ вдругъ гулъ отъ Ивана Предтечи — и гулъ, и зыкъ, и ревъ. Оглушило бабъ, а земля ровно кисель подъ ними, такъ и трясется.

И видятъ, идетъ по валу, ой! медвѣдь не медвѣдь, козобанъ: ротъ — отъ уха до уха, носъ, что чекуша, граблями руки, а глаза такъ и прядаютъ. Идетъ, кривляется и гудить и гудить.

Стали бабы рядомъ, оперлись на заступъ, въ рукахъ по яйцу: такъ вотъ сейчасъ и похристосуются.

А тотъ словно крадется — и медленно, медленно и прямо на нихъ, да какъ рывкнетъ.

Выронили бабы яйца да бѣжать, да что есть духу, добѣжали до паперти, обѣ и обмерли.

Ну, тутъ добрые люди опрыскали бабъ святой водицей изъ колодезя: отъ усердія, думали, съ бабами такое вышло. И опомнились бабы, и скорѣе домой.

„Богъ съ нимъ и съ кладомъ, вѣрно въ землю ушелъ“.

А какой котелокъ тамъ былъ съ золотомъ, какая плита чугунная!

И остались бабы, — не кладъ, а пупень.

1915 г.

Клексъ.

Изъ всѣхъ дней первый — Пасха. Въ ту святую ночь стоитъ сама земля раскрытая.

Отправился Семенъ къ заутренѣ, а итти ему было на погостъ мимо озера. Вотъ и идетъ онъ берегомъ, а тамъ, на другомъ берегу, какой-то такъ колышекъ изъ воды лукошкомъ что-то въ лодку таскаетъ.

„И кому въ такую пору, — думаетъ Семенъ, — въ водѣ бултыхаться?“

Тутъ въ колоколъ ударили, и тотъ вдругъ пропалъ.

Перекрестился Семенъ, прибавилъ шагу, обошелъ озеро и прямо къ лодкѣ. А въ лодкѣ полно клексу.

„Эка невидаль, чешуя рыба! Али взять?“

И набралъ въ карманы клексу и въ церковь.

Хороша на Пасху служба, не ушелъ бы изъ церкви. Похристосовался Семенъ: „Христосъ воскресъ!“ — освятилъ пасху и домой разговляться. Шелъ въ обходъ озеромъ мимо самага того мѣста, а ужъ лодки не было: ни лодки, ни клекса. Такъ домой и вернулся.

Сѣлъ Семенъ за столъ, закусилъ пасхи, да хватъ за карманъ — вспомнилъ! — а тамъ серебро звенитъ. Вотъ какой клексъ былъ, серебряный!

И съ той поры обогатился Семенъ.

И съ той поры на озерѣ, чуть тихій часъ, завоетъ кто-то жалобно... Ну, и Семена больше не заманишь къ озеру, — на мѣшкахъ сидитъ серебряныхъ.

1915 г.

НА ВСЕ ВѢЧЕ.

На все Господь.

1.

Жилъ Ипатъ не бѣдно, не богато, да пришло крутое время, и до того добился, что и питаться нечѣмъ стало. Жена, дѣти — что дѣлать? И пошелъ онъ изъ села за тридцать верстъ на озеро рыбачить. И тамъ, на озерѣ, исправилъ себѣ балаганъ земляной и перевезъ на новое мѣсто жену и дѣтей.

И такъ ему было горько на новомъ мѣстѣ и жалко, — да такъ, стало быть, Богъ даетъ! И положилъ онъ каждый день удить для жены и дѣтей.

„Если на себя не заужу, то не буду ѣсть!“

День удить, ночью Богу молится. И съ мѣсяцъ удилъ, зауживалъ на жену и дѣтей, а на себя хоть бы разъ попало. И далъ ему Богъ терпѣніе, — за этотъ мѣсяцъ онъ ничего не ѣлъ.

И вотъ выдался денекъ такой, заудилъ онъ двѣ рыбки лишниѣ.

„Слава Богу, сжалился надо мной Господь и мнѣ далъ. Нынче и я поѣмъ!“

Приходитъ съ рыбой къ балагану.

— Говори, жена, „слава Богу“!

— А что „слава Богу“?

— Я на себя заудилъ, двѣ рыбки лишниѣ попались, Господь на меня далъ!

— Не на тебя это, я тебѣ еще родила два сына, на нихъ Господь и далъ.

— Ну, придется и опять не ѣвши. Слава Богу, что родила благополучно.

И трое сутокъ еще удилъ, заужалъ на жену и дѣтей, а на себя нисколько. Трое сутокъ кончилось, пора было ребятъ крестить.

— Надо ребятъ крестить, пойду на село къ попу!

И поутру пошелъ, оставилъ жену съ дѣтьми на озеръ вѣ балаганѣ.

2.

Встрѣчу попадаетъ Ипату молодецъ.

— Куда, Ипатъ, идешь?

— А родила у меня жена два сына, надо крестить.

— Возьми меня вѣ кумовья.

Посмотрѣлъ Ипатъ черезъ правое плечо.

— Нѣтъ, ступай ужъ... И безъ тебя потонулъ я вѣ грѣхахъ.

А тотъ какъ захохочетъ, да вѣ сторону.

— Ишь, какой!

Нечистый былъ это духъ.

Отошелъ Ипатъ немного, идетъ молодецъ чище того.

— Куда тебя, Ипатушка, Богъ несетъ?

— Жена родила два сына, иду къ попу, надо окрестить.

— Возьми меня вѣ кумовья.

Посмотрѣлъ Ипатъ черезъ правое плечо, видитъ, хорошей души.

— Ладно, покумимся.

— На тебѣ три золотыхъ, — подалъ кумъ, — даромъ попъ на своей лошаdkѣ не поѣдетъ. Отдай ему золото, а я пойду къ твоей женѣ.

А это былъ ангелъ. За терпѣніе чловѣку послалъ его Господь.

Не долго шелъ Ипатъ, за какой часъ вѣ село поспѣлъ ко попу.

— Батюшка, я до твоей милости... жена у меня родила два мальчика, а живу я нынче вѣ балаганѣ на озерѣ за тридцать верстъ, надо бы мнѣ ихъ окрестить. Я до твоей милости.

Посмотрѣлъ на Ипата попъ.

— А ты бѣ ихъ склалъ вѣ полу, приташилъ сюда, я бы ихъ и окрестилъ. Мнѣ тащиться такую даль не рука!

И вышелъ въ горницу.

Тутъ Ипатъ три золотыхъ на столикъ, мнется.

— Ты чего? — выглянулъ попъ.

А на столикъ золото такъ и блеститъ.

Попъ какъ увидѣлъ золотые и сейчасъ же стряпкъ: „Станови самоваръ!“ — а кучеру: „Лошадь запрягай!“.

— Ну, Ипатъ, чайку напьемся, поѣдемъ, окрещу тебѣ ребятъ.

— Нѣтъ, батюшка, чаю твоего не буду пить. Ты чаю напьешься, поѣдешь и меня нагонишь, я пойду пѣшкомъ.

3.

Попъ пожалуй только еще изъ двора пошевелился, ужъ Ипатъ пришелъ на озеро. Смотритъ: проруби его, а гдѣ балаганъ? Нѣтъ балагана, а на томъ самомъ мѣстѣ стоитъ домъ каменный и кругъ дома цвѣты расцвѣли.

Удивился Ипатъ.

„Али неладно пришелъ?“

А ему навстрѣчу изъ дому старшія дѣти бѣгутъ.

— Кто этотъ домъ построилъ?

— Пришелъ къ намъ какой-то молодецъ, вдругъ все появилось.

Ипатъ за дѣтьми.

Въ новомъ домѣ кумъ сидѣлъ на лавкѣ.

— Что, Ипатъ, загрустилъ?

— А что, кумъ, непременно попъ раздумалъ. Сколь я дорогой оглядывался, все нѣтъ, не догоняетъ.

— Скоро будетъ! — утѣшилъ кумъ.

А попъ тутъ-какъ-тутъ. Остановилъ лошадку.

Что за причина? Звалъ его Ипатъ въ балаганъ, а, на-кась, домъ каменный!

„Али неладно пріѣхалъ?“

И повернулъ, было, лошадку назадъ ѣхать.

— Иди скорѣй, Ипатъ, зови батюшку! — говоритъ кумъ.

Ипатъ на крылечко вышелъ. Попъ увидалъ Ипата.

— Ахъ, Ипатъ! Какъ поживаешь? Домикъ-то какой соорилъ, этакое и на селѣ нѣтъ!

— На все Господь.
И повелъ Ипатъ поа въ домъ.

4.

— Ты, Ипатъ, поди въ кладовую, — посылаетъ кумъ, — три поклана положъ, тамъ стоитъ купель. А я за водой пойду, мнѣ, братъ, это полагается.

Ипатъ нашелъ кладовую, положилъ три поклана. Дверь сама ему отворилась. Тамъ стоитъ купель золотая и купель серебряная. Онъ ихъ вытащилъ въ горницу, поставилъ середь горницы.

Кумъ съ водой поспѣлъ, налилъ полную купель золотую и серебряную, велитъ за дѣтьми сходить, дѣтей принести.

Пошелъ Ипатъ и скоро вернулся одинъ. Испугался.

— Сходи, кумъ, самъ принеси, руки не поднимаются!

— Экой, ты! — и пошелъ: одного взялъ на руку, другого — на другую, принесъ дѣтей.

Одинъ — въ золотой ризѣ, другой — въ серебряной.

Попъ, какъ увидѣлъ, и оробѣлъ.

— Подобаеъ ли крестить такихъ?

— Открой книгу, — сказалъ кумъ, — гляди, какой сегодня день ангела, и крести!

Самъ снялъ съ нихъ ризы, подалъ ихъ попу.

Попъ посмотрѣлъ въ книгу, назначилъ имена имъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кумъ передалъ ихъ Ипату.

— Снеси женѣ и по три поклана за нихъ положъ.

А самъ изъ купели воду вылилъ, изъ золотой и серебряной, и опять поставилъ середь горницы.

Вернулся Ипатъ отъ жены.

— Неси купель, — говоритъ ему кумъ, — а выйдешь изъ кладовой, три поклана положъ.

Попъ глядитъ и въ толкъ не возьметъ, что они это такое исправляютъ.

А Ипатъ снесъ купель золотую и серебряную, да къ куму.

— Нѣтъ ли, — говоритъ, — чѣмъ поа угостить? За тридцать верстъ приѣхалъ, небось ѣсть захотѣлъ.

— А поди, Ипатъ, вонъ къ той кладовой, — учитъ кумъ, — три поклона положи, тамъ на столикъ все приготовлено, тащи сюда.

Пошелъ Ипатъ, положилъ три поклона. Дверь сама ему отворилась. Тамъ на престолъ всего довольно. Постоялъ, посмотрѣлъ, а взять не взялъ, не рѣшился.

— Кумъ, — вернулся Ипатъ, — нельзя ли намъ, чѣмъ такъ-то, за этимъ престоломъ угоститься?

— Можно; иди, батюшка, съ нами.

И втроемъ пошли въ кладовую. И тамъ угощались и по-здравили.

— Батюшка, — поднялся кумъ, — тебѣ домой пора, засидѣлись долго.нко.

— Не очень-то, — отвѣтилъ попъ, — часа, поди, три прошло, не больше.

— Нѣтъ, батюшка, ты у насъ въ гостяхъ три года: три зимы прошло, три лѣта. Тамъ тебя безъ вѣсти потеряли и на твоёмъ мѣстѣ другой ужъ служитъ.

— А нельзя ли мнѣ съ вами еще пожить? — попросился попъ: больно ужъ приглянулось ему.

— Ступай на свое мѣсто, — сказалъ кумъ, — недостойнъ ты жить здѣсь. И знай напередъ: хочешь свою душу спасти, такъ ты, что дадутъ тебѣ, только то и бери... слышишь? Слѣпыхъ на умъ наставляй, чтобы они Бога могли признавать.

И проводили попа домой.

— Тебѣ отъ Божьяго храма не откажутъ! — утѣшилъ кумъ попа.

Такъ и распрощались.

5.

— Кумъ, — сказалъ Ипатъ, — мое дѣло — не легкое: ты увидешь, останусь одинъ, чѣмъ я буду дѣтей пропитывать?

— А есть тутъ еще кладовка, въ этой кладовкѣ лежитъ мѣшокъ большой, лопата и кирка, носи сюда.

Пошелъ Ипатъ, принесъ мѣшокъ, кирку и лопату.

— Вотъ женѣ твоей, — сказалъ кумъ, — тутъ на пропитаніе всего довольно будетъ. А ты со мной пойдемъ.

И повелъ его съ озера не путемъ, не дорогою, — дикимъ мѣстомъ Ураломъ.

И такъ его велъ, что тотъ на себѣ все порвалъ, и съ тѣла кровь на немъ ручьями льетъ. Все терпѣлъ.

— Кумъ, — сталъ Ипатъ, — за тебя, гляжу, ничто не задѣваетъ, а я на себѣ все прирвалъ, мнѣ трудно за тобой итти.

— Эхъ, Ипатъ, Господь не то терпѣлъ, а ты что не можешь терпѣть: что кровь бѣжитъ?

И завелъ его въ пещеры.

Тамъ свѣчи горятъ.

— Что же это, къ чему свѣчи горятъ?

— Это наша жизнь продолжается: который человѣкъ родится, тому становится свѣча. Если можетъ кто сто годовъ жить, сто годовъ горитъ и его свѣча.

— А которая моя свѣча?

— А вонъ, гляди, свѣча сейчасъ потухнетъ и жизнь твоя нарушится.

— Кумъ, у меня дѣти малыя...

— Жизнь твоя — короткая. Дойдешь домой, — хорошо, не дойдешь... Иди скорѣй, можетъ, поспѣешь.

Побѣжалъ Ипатъ. Добѣжалъ до озера, гдѣ оставилъ каменный домъ. А дома-то ужъ нѣтъ, балаганъ стоитъ земляной.

— Жена, дай мнѣ рубашку бѣленькую, мнѣ теперь помирать.

Обрядился, легъ подъ святыя, благословилъ дѣтей, пере-
крестился...

— Здравствуй, Ипатъ, Христосъ воскресъ!

Кумъ... не кумъ стоитъ, ангелъ Господень.

1915 г.

Голова.

Трудился одинъ пустынный, и былъ у него сынъ на возрастъ, вмѣстѣ съ отцомъ трудился. И жили они въ чистотѣ, мирно, за міръ Бога молили. И случилось одному разбойнику проходить лѣсомъ мимо ихъ избушки, вздумалъ разбойникъ отдохнуть отъ своего разбою, постучался въ избушку, его и пустили.

Подзакусилъ разбойникъ, обогрѣлся и сталъ на отдыхъ готовиться, да казну свою понаграбленную и развалилъ среди пола.

Пустынный все это видѣлъ, позвалъ сына, вышли они во дворъ, и говоритъ старикъ сыну:

— Сынокъ, давай разбойника этого удавимъ. Деньги наши будутъ.

— Эхъ, батюшка, — говорилъ сынъ, — мы тридцать лѣтъ съ тобой трудимся, да это дѣло дѣлать будемъ!

Разбойникъ къ ночи ушелъ и казну свою всю унесъ. А на утро идетъ отецъ съ сыномъ въ лѣсъ, глядь, а разбойникъ-то виситъ, — удавили! Видно, лихой человекъ и своего брата не пощадилъ.

И опять стали трудиться отецъ съ сыномъ, только не то стало, — затосковалъ сынъ и отпросился у отца на богомолье сходить.

Идетъ парень по дорогѣ, а за нимъ вслѣдъ голова катится, нагнала его и говоритъ:

— Молодецъ, айда, куда я тебя поведу!

Оторопѣлъ парень, призналъ голову.

— Погоди, — говоритъ, — дай къ угодникамъ схожу.

— А ты долго ли тамъ пробудешь?

— Дѣнь семь.

Побывавъ парень у святыхъ мѣстъ, за душу погубленнаго помолился, семь дней прошло, идетъ назадъ — голова навстрѣчу катится.

— Ну, пойдѣмъ теперь со мной!

— Ну, пойдѣмъ.

И пошелъ за головой.

Катится голова лѣсомъ, глухой дорожкой, докатилась до кельи, да вѣ келью, и парень за ней.

Вѣ кельѣ три окна прорублены; голова и говоритъ парню.

— Сиди вѣ кельѣ, я по саду погуляю, только вѣ тѣ два окошка не гляди, вѣ одно это гляди.

Парень сидитъ и думаетъ:

„Почему вѣ тѣ голова глядѣть не велѣла? Дай погляжу!“

Поглядѣлъ на восходъ солнца и увидѣлъ все царствіе небесное, ангеловъ Божьихъ, престолы и свѣтильники — свѣтъ нерукотворенный. Поглядѣлъ на западъ и ужаснулся: тамъ адъ кромѣшный, пискъ, визгъ, много несчастныхъ мучатся и отецъ-старикъ вѣ котлѣ кипитъ, такъ и ныряетъ.

Жалко стало отца, протянулъ онъ руку, уцѣпилъ его за бороду — старикъ нырнулъ, борода вѣ рукахъ и осталась.

А голова тутъ-какъ-тутъ, прикатилась вѣ келью.

— Ну, что, я вѣдь, не велѣла глядѣть вѣ окошки.

— Поглядѣлъ.

— Видѣлъ?

— Все видѣлъ.

— А смекнулъ, за грѣхъ какой?

— Укажи мнѣ, какъ до отца дойти, долго я здѣсь засидѣлся.

— Долгонько: три года сидишь.

— Какъ! Три года?

— Три года времени прошло.

Запечалился парень, стоитъ, вѣ рукахъ старикова борода, не знаетъ, что дѣлать.

— Вотъ тебѣ дорога, ступай къ отцу.

Одинъ пошелъ парень изъ кельи домой. И долго шелъ, Приходитъ къ отцу. Слава Богу, живъ старикъ, старенькій какой, а борода облыяла — ни волоска нѣтъ.

— Эхъ, батюшка, согрѣшилъ ты.

— А что, сынокъ?

— Да тогда, какъ разбойникъ-то сидѣлъ, или забылъ?

— Грѣшенъ, хотѣлъ его порѣшить.

— Ну, батюшка, уготовано тебѣ мѣсто.

1914 г.

Подожокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, былъ у нихъ сынъ, и была у сына собака страшная, большая, и всякій разъ, какъ итти ему на разбой, бралъ онъ эту собаку, и съ пустыми руками никогда не возвращался и все, что принесетъ, въ подожокъ запрячетъ: въ подожокъ посередкѣ была дырочка — полную ее золота насовалъ.

Отецъ съ матерью дознались, какими дѣлами сынъ промышляетъ, ругали его, а онъ все свое: какъ ночь, айда на разбой.

Пришло такое время — святая ночь, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, взялъ онъ свою собаку, взялъ подожокъ, ковригу, мяса, винца полуштофчикъ да вострый ножъ, — и на разбой на большую дорогу.

А одинъ парень на чужой сторонѣ работалъ, захворалъ, свезли въ больницу, выписался и къ празднику домой задумалъ, еле ноги тащилъ.

Встрѣчаетъ его разбойникъ. И была у разбойника повадка: не пропускалъ онъ первую встрѣчу и хоть за деньги, хоть и безъ денегъ — участь одна.

— Стой! Зарѣжу!

— Чего меня рѣзаты! У меня и копѣйки-то нѣтъ.

— Ну, ты — первая встрѣча, безъ денегъ убью.

И Богъ знаетъ, жалко ли стало, или ужъ такъ, разбойникъ разостлалъ полотенце, вынулъ ковригу, полуштофъ водки, мясо.

— Давай-ка сядемъ, напередъ разговѣмся.

Дѣлать нечего, парень сѣлъ.

Разбойникѣ налилѣ себѣ стаканѣ водки, выпилѣ, далѣ парню
Выпили по стакану, да по другому, пирожка закусили.

Парень и говоритѣ:

— Все-то мнѣ равно помирать, налей третій!

И выпилѣ третій стаканѣ.

— Вѣдь, у меня, — говоритѣ, — денегѣ нѣтъ ни гроша!

Разбойникѣ вынулѣ ножѣ, рѣжетѣ мясо, рѣжетѣ да подѣ-
даетѣ. А парень хмѣльной сталѣ. Разбойникѣ вонзилѣ ножѣ въ
кусокѣ мяса, поднесѣ на ножѣ ко рту, а парень въ руку его
тыкѣ — разбойникѣ хныкѣ, и свалился.

Завертѣла собака хвостомѣ, да домой, а парень поднялѣ по-
дожокѣ и за собакой бѣжать.

Старикѣ со старухой на краю села живутѣ, въ окошкѣ у
нихѣ огонекѣ свѣтитѣ, разговляются.

— Пустите, Христа ради, Христосѣ воскресѣ!

Обрадовались старики живой душѣ, пустили парня.

— Христосѣ воскресѣ!

Похристосовался парень, подожокѣ подѣ лавку положилѣ,
присѣлѣ кѣ столу. А собака ужѣ подѣ лавкой лежитѣ, спитѣ.

Старуха и говоритѣ старику:

— Старикѣ, посмотри-ка, вѣдь, нашего сына подожокѣ!

Старикѣ заглянулѣ подѣ лавку.

— Охѣ, да, старуха, самый онѣ!

Старуха кѣ парню:

— Не видалѣ-ли кого?

— Видѣлѣ одного и такой отѣ него страсти набрался.

— А гдѣ ты этотѣ подожокѣ взялѣ?

— А вотѣ на дорогѣ, я человекѣ убилѣ! — и рассказалѣ ста-
рикамѣ, какѣ ихѣ сына разбойника на дорогѣ убилѣ.

Затешили старики свѣчку, стали молиться Богу со слезами.

— Слава Ти, Господи, поразилѣ его! — и кѣ парню, кла-
няются: — спасибо тебѣ. Какѣ тебѣ Господѣ помогѣ! Ты не че-
ловѣка, ты грѣхѣ убилѣ!

И отдали старики парню подожокѣ полонѣ казны и сталѣ
парень богатѣ, и теперь такой богатый и! и! и!

1914 г.

Оттрудился.

У Ѳедоры было два сына Анисимъ да Терентій, — меньшей посмирнѣе, а большой поперечный. Ѳедора Анисима отдѣлила и съ Терентіемъ жить осталась. Прошло время, разжился Анисимъ своимъ хозяйствомъ, а у Терентія съ матерью все несчастье. И женился Терентій, взялъ жену не худую, втроемъ стали жить, а справиться не могутъ: все въ раззоръ и въ раззоръ.

Пришла Пасха, а у Терентія и нечѣмъ разговѣться.

Вотъ Терентій жену и посылаетъ къ брату попросить муки — куличъ испечь: хоть бы праздникъ провести по-людски, а тамъ какъ Богъ дастъ!

Анисимъ невѣсткѣ отказалъ.

— Да, чего, — говоритъ, — самъ я что-ли муку дѣлаю? И безъ васъ нынче трудно стало, всѣмъ надо, чего раньше-то глядѣли? Такъ съ пустыми руками и вернулась баба.

Дѣлать нечего, вернулись отъ заутрени домой и разговѣться нечѣмъ.

Матери-то и обидно.

И посылаетъ она на утро Терентія:

— Иди къ брату, попроси хоть для меня кусочекъ.

Пошелъ Терентій.

Братъ еще не вставалъ. Похристосовались. Проситъ у брата не для себя, для матери.

— Такъ, кусочекъ, разговѣться!

А того ужъ за сердце взяло: и что это, въ самомъ дѣлѣ, ходятъ и просятъ, и хоть бы для праздника покой дали.

— Хочешь разговѣться, — сказалъ Анисимъ брату, — вотъ встану, сядишь съ нами, сдѣлай милость, а посылать я не намѣренъ.

Терентій отказывается:

— Какъ же такъ, разсядусь я у тебя, а старуха тамъ ждать будетъ. Нѣтъ, Богъ съ тобой, ужъ пойду. Только помни, за мать отвѣтишь. Прощай!

— А чего меня выдѣлила? Жили бы вмѣстѣ, все бы и было. Да лучше мнѣ змѣю накормить! — вскочилъ, ногой топнулъ.

Ну и вернулся Терентій безъ ничего.

Горько заплакала Федора.

— Ну, сынокъ мой, такъ ужъ Богу угодно!

А Анисимъ выпроводилъ брата, помолился Богу, кричитъ женѣ:

— Сходи-ка, хозяйка, въ чуланъ, принеси мнѣ пасхи.

Ну, та живо самоваръ на столъ и въ чуланъ за пасхой.

Отворила чуланъ, хватъ, а тамъ на пасхѣ, обвивши, змѣя лежитъ. Скорѣе назадъ.

— Анисимъ, глянь-ка, змѣя на пасхѣ!

— Какая змѣя, ты съ ума сходишь! Откудова?

И самъ пошелъ. И вѣрно, въ чуланъ на пасхѣ лежитъ змѣя, — живая, шевелится, сипитъ на него. Осмотрѣлся, чего бы такое взять вспороть змѣю. Да ужъ некогда, — вздыбавшись змѣя да на шею ему, обвилась вокругъ шеи и давай грызть.

Онъ ее съ себя рвать, да что ни дѣлаетъ, не отлипаетъ. И закричалъ Анисимъ нѣ въ голову, а она еще крѣпче, еще больнѣе.

Видитъ жена, дѣло плохо, побѣжала на деревню. Собрался народъ. Разсказала она все по порядку, какъ невѣстка приходила, какъ братъ приходилъ...

— Господь, вѣрно, наказываетъ!

Ну, и народъ тоже между собою толкуетъ, что вѣрно за это Господь наказалъ. Да оставить такъ человѣка мучиться не годится и присовѣтовали попробовать молокомъ змѣю утишить.

Достали молока, полили ему на шею, — змѣя лизнула молочка, понравилось, и успокоилась. И стало Анисиму легче,

можно терпѣть. И вышло такъ, что одно средство — поить змѣю молокомъ.

Тутъ Анисимъ къ матери, проситъ прощенье. А она ужъ забыла, не помнитъ на немъ обиды, рада все сдѣлать для сына, лишь бы такъ не мучился, и простила.

Мать простила. Или Богъ не прощаетъ? Змѣя не уходитъ. Какъ обвилась вокругъ шеи, такъ и лежитъ: ѣстъ молоко, — ничего, а нѣтъ молока, — жалитъ.

Простился Анисимъ съ матерью, простился съ женою и братомъ и пошелъ странничать.

Все съ кувшинчикомъ, и самъ не доѣстъ, а змѣю накормитъ. Все для змѣи, чтобы только она сыта была: вѣдь только тогда и свѣтъ видитъ! Пробовалъ кислымъ молокомъ угощать, не принимаетъ. Пробовалъ въ печку лазать париться, не отпуститъ ли отъ духу? И духъ не беретъ, — видно, Богъ ее сохранялъ! — только распарится вся, да пуще и укуситъ.

И такъ странничалъ бѣдняга годъ, и другой, и третій.

Пришелъ онъ на Пасху къ заутренѣ, да ужъ въ церковь-то войти не смѣетъ, на паперти съ нищими сталъ.

Пошелъ крестный ходъ вокругъ церкви, оттѣснили его въ уголокъ, и вотъ ровно сонъ напалъ на него. Вдругъ очнулся, слышитъ: „Христосъ воскресъ!“

— Христосъ воскресъ! — вытянулъ шею, чтобъ изъ-за народа посмотрѣть, да что-то легко будто...

Что такое? — Да змѣи-то нѣтъ больше!

Оттрудился, знать, за обиду, Богъ и помиловалъ.

1915 г.

Заря перегорѣлая.

Мало мы чего знаемъ и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаешь, на это насъ нѣтъ.

Пахалъ Кузьма пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорала, а Кузьма все пашетъ. И попадаетъ ему навстрѣчу старичекъ: смотритъ куда-то, будто о чемъ задумалъ.

— Скажи, говоритъ, Кузьма, къ чему это заря перегораетъ?

— Да къ ненастью, старинушка, — отвѣтилъ Кузьма.

Старичекъ его за руку, да черезъ оглоблю, перевелъ черезъ оглоблю — оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усыяли, мѣсяцъ вонъ-а гдѣ сталъ, когда кончилъ старичекъ пахать, — а это самъ Никола былъ угодникъ. И ужъ еле поплелся Кузьма съ поля домой.

На другой день пашетъ Кузьма, и опять ему старичекъ навстрѣчу.

— Ну, Кузьма, къ чему заря перегораетъ?

А день стоитъ свѣтлый да теплый.

Тутъ Кузьма — вечерошнее-то ему, ой, какъ засѣло! — и повинился, что не знаетъ.

— То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи! — сказалъ старичекъ и пошелъ — и пошелъ нашъ угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу лѣнливыхъ, гнѣвный, карать неправду, милостивый, жалѣть и собирать насъ разбродныхъ.

1914 г.

Глухая тропочка.

Жили сосѣди, два охотника, и такіе пріатели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичокъ. И говоритъ имъ старичокъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники!

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ — не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что, — говорятъ, — намъ какая вещь — змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ чащу дремучую. А тамъ превеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріатели:

— Вонъ онъ что, старый хрѣнъ, насказалъ! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ее не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать: ужъ больно велика казна, на себѣ не дотащить.

Одинъ и говоритъ:

— Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадыю, на телѣгѣ ее и повеземъ, а я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ къ моей, хлѣбца кусочекъ привези, ѣсть что-то хочется.

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

— Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!

— Чего далъ?

— Кучу казны превеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Зато-ка поживѣе печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку. Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

„Вотъ какъ пріѣдетъ, я его и хлопну — всѣ деньги-то мои и будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!“

Подбѣзжаетъ къ нему пріятель, онъ прицѣпилъ, да и хлопъ его, а самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку, проголодалъ очень, — лепешечки поѣлъ и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

1914 г.

Заяцъ сѣлѣ.

Хорошѣ былѣ для міру кузнецѣ: вѣ кузницѣ работалѣ, за работу ни сѣ кого не бралѣ, кто что дастѣ только. За своего пошелѣ кузнецѣ среди бѣдныхѣ людей, всѣ его очень любили; узнали и чужестранные, стали ѣздить на праведнаго кузнеца посмотрѣть. И жилѣ кузнецѣ хорошо и спокойно, ни вѣ чемѣ нужды не зналѣ и всѣмѣ былѣ доволенѣ.

Вотѣ и приходитѣ кѣ нему разѣ старичокѣ какой-то. Это самѣ Никола угодникѣ пришелѣ испытать его.

— Чтѣ, говоритѣ, кузнецѣ, какѣ ты работаешь, за какую работу чтѣ берешь?

— Кто чтѣ дастѣ.

— Какая этѣ твоя работа! Пойдемѣ со мной, я лѣкарь. И брать ничего не будемѣ, а денегѣ большихѣ добьемся.

Подумалѣ кузнецѣ, подумалѣ, чего же не пойти, коли такое дѣло: и міру польза и душѣ не обида. И согласился.

И они пошли.

А взяли они сѣ собой вѣ дорогу одинѣ кошель сѣ хлѣбомѣ, а хлѣба тамѣ всего-то по такому кусочку. Старикѣ ходко идетѣ, и хоть-бы чтѣ, а кузнецѣ едва ужѣ ноги тащить: и усталѣ, и ѣсть захотѣлѣ. Наконецѣ-то старичекѣ вздумалѣ сѣсть отдохнуть.

Тутѣ кузнецѣ за кошель, развязалѣ кошель, вынулѣ по кусочку. Старичокѣ и кѣ хлѣбу не притронулся, вѣ кошель назадѣ положилѣ, всталѣ себѣ, да вѣ сторонку, за хворостомѣ, хворостѣ посбирать. А кузнецѣ весь хлѣбѣ свой сѣлѣ — ѣсть

еще больше хочется, сѣлѣ и стариковѣ хлѣбѣ, да, чтобы концы вѣ воду, кошель и закинулѣ, легѣ и заснулѣ.

Будитѣ старичокѣ кузнеца.

— Гдѣ, говоритѣ, кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбѣ?

— Гляди, заяцѣ сѣлѣ!

Заяцѣ, такѣ заяцѣ, ничего не подѣлаешь.

Смотритѣ старичокѣ. И хочется кузнецу правду сказать, да какѣ сказать: вѣдѣ всего этакій кусочекѣ сѣлѣ!

— Ну, ладно, — сказалѣ старичокѣ, — пора за дѣло. Пойдемѣ кѣ морю, за моремѣ царѣ живетѣ, у царя дочь больна, вылечимѣ царевну.

И дошли они до моря, а лодокѣ нѣтъ. Айда по морю. Кузнецѣ едва поспѣваетѣ. Середѣ моря зашли, сталѣ старичокѣ.

— Кузнецѣ, ты сѣлѣ мою долю?

— Нѣтъ! — и сталѣ кузнецѣ по колѣно вѣ водѣ.

— Не ты?

— Нѣтъ.

Старичокѣ посмотрѣлѣ. А у кузнеца сердце упало: признаться-бѣ, да какѣ признаешься: вѣдѣ всего этакій кусочекѣ!

— Ну, пойдемѣ.

Вышли они на берегѣ и сказались, что лѣкаря: нѣтъ ли больныхѣ гдѣ?

— У царя, — говорятѣ, — три года царевна хвораеѣ, никто не могѣ вылѣчить.

Донесли царю. И сейчасѣ же царѣ пришлохѣ лѣкарей призваѣ.

— Можете вылѣчить дочь?

— Можемѣ, — сказалѣ старичокѣ, — отведи намѣ особу комнату на ночь, да изѣ трехѣ колодцевѣ принеси по ведру воды. На утро за одну ночь здрава будетѣ.

Отвелѣ имѣ царѣ комнату, самѣ и воды принесѣ. И остались они сѣ хворой царевной.

Старичокѣ разрѣзалѣ ее на четверо, разложилѣ куски, перемыѣ водой, и опять сложилѣ, водой спрыснулѣ, — царевна здрава стала.

Кузнецѣ глядитѣ, глазамѣ не вѣритѣ.

Наутро стучитъ царь съ царицей.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостилъ ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной: одинъ сундукъ съ мѣдью, другой съ золотомъ, третій съ бумажками, — бери сколько хочешь!

— Что, — спрашиваетъ старичокъ кузнеца, — доволенъ деньгами?

— Доволенъ, — говоритъ, — доволенъ.

— И я доволенъ.

Попрощались съ царемъ и пошли изъ дворца, понесли казну большую.

— Пойдемъ, — сказалъ старичокъ, — теперь къ купцу, купцова дочка хвораеѣтъ, вылѣчимъ ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

— Вылѣчите, дочь больна!

— Вылѣчимъ, — сказалъ старичокъ, — отведи намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодезѣвъ принеси по ведру воды. На утро за ночь здрава будетъ.

Натаскалъ купецъ воды, привелъ дочь, оставилъ съ ними.

Старичокъ говоритъ кузнецу:

— Видѣлъ, какъ я дѣлалъ?

— Видѣлъ.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзалъ купцову дочь, а сложить не можетъ. И до разсвѣта бился, ничего не выходитъ. Старичокъ видитъ, кузнецово дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой sprysнулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучитъ отецъ.

— Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостилъ ихъ купецъ и денегъ далъ много. Старичокъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ и напихалъ полную пазуху бумажекъ, фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецово село.
Старичокъ и говоритъ:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты
домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому
кучка и другому кучка. Самъ раскладываетъ, а самому такъ
глаза и жжетъ, вотъ подвернется рука и себѣ переложитъ.

— Чтò, кузнецъ, раздѣлилъ?

— Раздѣлилъ,

— Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не укралъ ли?

— Нѣтъ.

— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда
сбѣлъ кусочекъ или заяцъ?

— Я не ѣлъ твой кусочекъ! — и сталъ кузнецъ по колѣна
въ землѣ.

— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.

— Нѣтъ! — и сталъ кузнецъ въ землѣ по шейку.

— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ пре-
исподнюю отъ меня!

Кузнецъ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

1914 г.

Праведный судья.

Гдѣ ихъ искать, судей праведныхъ? А вотъ былъ одинъ такой, и далеко, куда за Москву, и по Сибири шла о немъ слава. Случись что, спорѣ, иди къ Кузьмичу: Кузьмичъ все разсудитъ.

Заѣхалъ разѣ къ одной вдовѣ человѣкъ проѣзжій, а жила вдова на большой дорогѣ, постоялый дворъ держала, баба хозяйственная.

Пріѣхалъ этотъ самый человѣкъ на жеребцѣ, вошелъ въ домъ, поздоровался и спрашиваетъ:

— Что у тебя, тетка, кобыла-то жереба?

— Нѣтъ, батюшка, не благословилъ Богъ.

— Ну, а у меня жеребецъ-то жерёбый.

Ну, жерёбый, такъ жерёбый, мало что другой по позднему времени и не такое еще скажетъ.

Чуть свѣтъ поднялась баба — по хозяйству все нужно справить, вышла во дворъ кобылу свою попить, глядь, а по двору жеребенокъ бѣгаетъ. Вотъ Богъ-то послалъ неожиданно! Ну, пока то да сѣ, проснулся и гость проѣзжій, заглянулъ въ окно, жеребенка увидѣлъ. Баба самоваръ несетъ, а сама, что самоваръ.

— Вотъ у меня кобыла-то ожеребилась!

— Какъ у тебя?

— А что-жъ, у тебя что-ли?

— Да вѣдь, ты-жъ вчера говорила, что у тебя кобыла не жерёба. Извѣстно, это моего жеребца жеребенокъ!

— Нѣтъ, мой!

Дальше, да больше, пошелъ споръ. И вѣдь, баба-то тихая, а до того увѣрилась, что это ея жеребенокъ, — да какъ-же иначе-то? — глаза выцарапаетъ, не уступитъ.

— Пойдемъ къ Кузьмичу! Я на тебя, окаянного, найду управу.

— Пойдемъ!

И пришли къ праведному судѣ и рассказали ему все, какъ было. Выслушалъ Кузьмичъ каждого по-очереди и велѣлъ обоимъ выѣхать на перекрестокъ: бабѣ — на кобылѣ, а проѣзжему человѣку — на жеребцѣ.

Сказалъ праведный судья:

— За кѣмъ жеребенокъ побѣжитъ, та лошадь и ожеребилась.

Пустили жеребенка.

И побѣжалъ жеребенокъ за жеребцомъ.

А разъ побѣжалъ, такъ тому и быть.

Баба судѣ покорилась, повела домой кобылу на постоянный дворъ, на себя сердчала: и какъ это она пошла на такое, ей-ли не извѣстно, что проста ея кобыла, только зря время потратила, да себя и другого въ грѣхъ ввела.

А проѣзжій человѣкъ забралъ своего жеребца. Судѣ низкій поклонъ.

— Спасибо, что разсудилъ по правдѣ.

Видитъ судья, не простой этотъ человѣкъ проѣзжій, позвалъ его къ себѣ на бесѣду.

Посидѣли, потолковали. Другъ другу по душѣ пришлись.

Проѣзжій и говоритъ:

— Пойдемъ теперь ко мнѣ.

— Ну, что-жъ, пойдемъ! — очень ужъ человѣкъ-то мудреный, какъ не пойти къ такому.

Вышли изъ воротъ. Судья остановился, прислушался.

— Что это, дома-то воютъ будто?

— Да это по тебѣ, Кузьмичъ: вѣдь, душа-то твоя со мною.

— Вотъ оно какъ! — и пошелъ по дорожкѣ съ гостемъ въ гости, откуда нѣтъ ужъ возврата.

Праведныхъ-то судей, видно, Богъ къ себѣ беретъ: Ему нужны.

1915 г.

Скоморошикъ.

Вздумалъ одинъ человѣкъ на старости лѣтъ Богу потрудиться, поселился въ лѣсу и сталъ жить одинъ въ своей кельѣ, какъ пустынный. А оставались у него на возрастъ дѣти, отца почитали, — вотъ навезутъ они въ лѣсѣ ему всякихъ разныхъ закусокъ, рыбъ всякихъ копченыхъ, икорки и селедокъ, ну ничего ему и не надо, помолится, поѣстъ и спать. Такъ мирно шли дни безъ грѣха и соблазна въ пустынь.

Разъ наѣлся пустынный соленыхъ копчушекъ, прохладился чайкомъ, вышелъ изъ кельи, прилегъ на заваленку, и спитъ.

Идетъ мимо старичекъ.

— Миръ твоему кормному борову лежать!

— Я пустынный, я Богу тружусь!

— Богу тружусь! — смотритъ старичекъ, а это былъ самъ Никола угодникъ, — наѣшься, напьешься, да спишь, экій трудъ! А ты въ городъ иди, тамъ есть Вавило скоморохъ, коли его трудъ перенесешь, будетъ толкъ, въ царствіе небесное угодишь.

— А какимъ онъ, дѣдушка, трудомъ трудится?

— Да ужъ какъ сказать какимъ, только слышно про него, колоколъ далеко звонитъ.

И пошелъ старичекъ — Никола угодникъ нашъ.

А пустынный и раздумался. И вправду, какой его трудъ: поѣстъ, попьетъ и спать! — но какой же долженъ быть тотъ скоморошій трудъ, чтобы толкъ былъ, въ царствіе небесное попасть?

Бросилъ пустынный свою келью и пошелъ въ городъ скомороха Вавилу искать, потрудиться его трудомъ.

И не долго по улицамъ плуталъ пустынный, живо ему дорогу показали. И удивился пустынный: кого онъ ни спрашивалъ о скоморохъ, всѣ ему сердечно отвѣчали, и не потому, чтобы самъ онъ располагалъ къ доброму отвѣту, а потому, что спрашивалъ о скоморохъ, о скоморошикъ, какъ величали Вавилу люди, словно ужъ въ самомъ имени въ скоморошьемъ было что-то и пріятное и доброе людямъ.

Подошелъ пустынный подъ скоморошье окошко. А у скомороха были двѣ женки — родныя сестры, стерегли Вавилу.

— Здѣсь Вавило скоморохъ?

— Здѣсь.

Женки впустили пустынного въ домъ.

— Гдѣ скоморошикъ?

— На игрищахъ играетъ.

— На какихъ?

— Да у губернатора, тамъ скачетъ и пляшетъ.

— А скоро придетъ?

— Придетъ, какъ первыя кочеты спокуютъ, либо привезутъ.

Прислалъ пустынный, ждетъ скомороха. Ждать пождать, стало ко сну клонить, а скомороха все нѣтъ.

Первыя пѣтухи пропѣли, пришелъ домой Вавило.

— Чей это старичокъ? — спрашиваетъ у своихъ женокъ.

— Тружельникъ изъ лѣсу.

Пустынный къ скомороху, рассказалъ Вавилѣ, какъ одинъ старичекъ прохожій наставилъ его итти въ городъ, отыскать скомороха и потрудиться скоморошьимъ трудомъ.

— Эхъ, дѣдушка, какой мой трудъ! Я только скачу да пляшу, огонь да гвозди глотаю, вотъ и весь трудъ.

— А хочу тебя спросить, скоморошикъ, какую ты пищу ѣшь?

— Моя пища: сухая крома, да пустая вода. Вотъ мои женки поятъ, кормятъ меня и на постелю кладутъ.

— Я хочу, Вавило, твой трудъ понести.

Разсмѣялся скоморохъ.

— Не доведется это тебѣ: тяжелъ. Посмотрите, какой я тошой, и этакъ и такъ перевьюсь. Нѣтъ, дѣдушка, безъ привычки надорвешься.

Вотъ утромъ рано приѣзжаетъ человекъ за скоморохомъ.

— Дома скоморошикъ?

— Дома.

— Пожалуйте къ Овошину на именины.

— Ступай съ Богомъ. Пѣшкомъ приду, только умоюсь.

Разбудилъ скоморохъ пустытника-гостя. Съли завтракать: женки скоморошья дали имъ по куску хлѣба.

— Ну, другъ, пойдёмъ на именины.

— Пойдёмъ, Вавило, а какой тамъ твой трудъ будетъ?

— Пустяки, только сапоги надѣть.

— И я твои сапоги надѣну.

— Что-жъ, попробуй.

Захватили они съ собой сапоги, отправились къ Овошину на именины.

Не велики сапоги скоморошья, а легки, что лапотки самые малые. Вавило обулся и ну скакать и плясать. А пустынникъ, какъ влѣзъ въ нихъ, такъ и почувствовалъ — тамъ были гвозди вершковые понатыканы. И проголодался, а съ мѣста сойти не можетъ: гдѣ посадили на стулъ, тамъ и сидѣлъ.

Вавилъ привычно, — скачетъ и пляшетъ. И до пѣтуховъ скакалъ скоморохъ и плясалъ.

— Пойдёмъ, братъ тружельникъ, домой.

Старикъ чуть не плачетъ. Кое-какъ поднялся, но и полпути не прошелъ: ноги итти отказываются, и пятки больно. Вавило попросилъ человека довести старика до двора. И поѣхали.

Приѣхали въ скоморошій домъ.

— Ну, что, дѣдушка, хорошъ мой трудъ?

— Хорошъ, скоморошикъ, очень хорошъ.

— А ты?

Старикъ снялъ сапоги, а сапоги полны крови.

— Попытаю еще, какой твой трудъ есть, — сказалъ старикъ, — переночую ночь.

Съли ужинать. Дали имъ женки сухую крому, да теплой водицы. Позаправились — краюшка-то не больно сытна, да дѣлать нечего.

— Ну, женки, спать хочу, положите меня на постелю!

А постель у скомороха вѣ сѣняхъ была, на вольномъ воздухѣ.

Взяли его женки за руки, за ноги, раскачали да на кровать и шваркнули.

Старикъ—за столомъ, видитъ, что дѣлается, и говоритъ скоморошымъ женамъ:

— Надо и мнѣ этакій трудъ понести.

Женки его за руки, за ноги да къ Вавилъ на постель и кинули. И впялись вѣ него гвозди лютѣй сапожныхъ.

И лежалъ старикъ, какъ камень, ночь-то.

До свѣту пріѣхали за скоморохомъ, зовутъ на крестины.

Легко поднялся скоморошикъ, а старикъ ни рукой, ни ногой пошевелинуть боится. Позвалъ Вавило женокъ.

— Сымите, — говоритъ, — тружельника съ моей постели.

Женки взяли старика подъ руки и привели вѣ комнату.

— Что, дѣдушка, пойдемъ со мной?

— Нѣту, скоморошикъ.

— Что такъ?

— Не могу. Великъ твой трудъ, Вавило! Тебѣ велѣлъ Господь снести и неси, а я не могу. Чую, не дойти до двора къ дѣтямъ. Прощай, скоморошикъ.

— Прощай! А коли хочешь, иди со мной.

Старикъ ушелъ. Старикъ видѣлъ трудъ и самъ потруился, теперь не надо ему и лѣсной его кельи, какъ-нибудь тихонько проживетъ онъ съ дѣтьми, ему и жить-то осталось не много.

А скоморошикъ скакалъ и плясалъ: день скакалъ на именинахъ, другой—на крестинахъ, третій—на свадьбѣ, четвертый—такъ, людямъ на развлечение.

Выдался свободный денекъ, сидѣлъ скоморохъ у солдатака вѣ гостяхъ вѣ казармѣ, чесалъ языкомъ, прибаутки сыпалъ.

Солдатики вдругъ всполошился.

— Вавило, — говоритъ, — за твоей душой пришли.

— Кто?

— Святые ангелы.

— Каки ангелы?

— Нѣтъ, ступай Вавило. Прощай скоморошикъ!

Дѣлать нечего, простился скоморохъ съ пріятелемъ и пошелъ домой.

А дома видитъ ужъ гробъ стоитъ и женки ревуть.

— Ложись, скоморохъ, — ревуть, — въ гробъ!

Легъ. Лежитъ Вавило въ гробу.

Голубъ влетѣлъ.

— Ты голубъ?

— Голубъ.

— Какой ты голубъ?

— Твой святой ангелъ. Тебя, скоморошикъ, Богъ наградитъ!

Тутъ скоморошикъ и покончился.

1915 г.

Награда.

Трудился труженникъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ. И всѣ тридцать лѣтъ дьяволъ только и думалъ, какъ бы смутить старца. Ужъ какъ слѣдилъ его, а нѣтъ, ни такъ, ни сякъ не уловитъ. И нашелъ-таки лазейку! Былъ очень жалостливъ старецъ, вотъ ему прямо въ сердце дьяволъ и направилъ свой рогъ базучій.

Ночнымъ бытомъ всталъ старецъ на молитву и слышитъ, тоненько такъ гдѣ-то подъ дверью плачетъ, — два голоса дѣтскихъ.

„Боже милостивый! Что такое? Два голоса дѣтскихъ!“

Сотворилъ старецъ молитву, вышелъ изъ кельи, а на порогъ у двери — дѣвочка и мальчикъ, и рученками тянутся къ старцу.

Старецъ было за дверь: очень испугался.

„Куда мнѣ дѣвать ихъ? Что съ ребятами дѣлать, маленькіе?“

Да разсуждать не время: плачутъ ребятишки, попить просятъ. Онъ ихъ и забралъ къ себѣ въ келью.

И сталъ старецъ поить и кормить дѣтей. А они, карапузы, такъ и тормошатъ, подымутъ возню: и ужъ онъ вродѣ лошадки, и они на немъ скачутъ, а то будто быкъ, да бодаетъ-то не онъ, а его, и какъ норовятъ побольше — кулаченки такъ поставятъ рогами, да съ налету въ него — и грѣхъ, и смѣхъ.

Какая тамъ молитва! Днемъ съ кормомъ — покормить, вѣдь, надо, какъ слѣдуетъ, а это не такъ-то просто, вечеромъ — съ игрою, время пройдетъ. И хоть бы ночью, растормошатъ и ночью: то сказку рассказывай, то страшно, то бѣда какая.

Извелся совѣмъ старецъ, но чтобы Богу пожаловаться, этого ему и въ мысляхъ ни разу не пришло: вѣдь за всѣ тридцать лѣтъ пустынныхъ въ первый разъ позналъ онъ въ своемъ сердцѣ эту радость — вотъ такъ съ малыми ребятами возиться! Забылъ и о дьяволѣ думать. Видно, Божья это ему награда за тридцать его трудныхъ лѣтъ! И ничего ужъ не просилъ у Бога, только благодарилъ Бога.

А ребяташки растутъ и растутъ, и много-ль прошло, а они ужъ вотъ какіе: лѣтъ пятнадцать и больше. Извѣстно, какъ роду нечистаго духа и растутъ не по-нашему.

Дѣвченка-то стала разумѣть. Выпадетъ часъ старцу стать на молитву — Бога поблагодарить, а она съ нимъ играть. И чѣмъ дальше, тѣмъ пуще эта ея игра. Стала старца къ худымъ дѣламъ притѣснять: ночью мальчишка заснетъ, а она соскочитъ съ кровати и виснетъ.

— Меня, — говоритъ, — скука обуяла!

Ну, и смутила старца, поддался онъ на худое дѣло.

— Худое дѣло дѣлать будемъ, а куда братишку твоего дѣнемъ?

— А давай убьемъ!

А который дьяволъ все это дѣло затѣялъ, — ребятъ-то подб дверь подкинулъ, — стоитъ у дверей да караулитъ: то-то ему радость, вотъ онъ сейчасъ такъ и сглотнетъ старца, и куда весь его трудъ пустынный!

— Бери топоръ, — говоритъ дѣвченка, — я Ванюшку свалю, а ты голову руби!

Вышелъ старецъ изъ кельи, вернулся съ топоромъ. Дѣвченка на брата, и не то что свалила, а самъ онъ легъ. Тутъ подскочилъ старецъ, да топоромъ его по шеѣ, кровь такъ и брызнула, а голова прочь.

— Куда мы его дѣнемъ? — мечется старецъ по кельѣ: кровью-то, знать, ударило.

— Открывай половицу въ подполъ! — кричитъ дѣвченка.

Старецъ за половицу, бился, бился, едва открылъ, взялъ мальчишку въ беремя и хочетъ мальчишку въ подполъ ссунуть, да никакъ не выходитъ, тычется на мѣстѣ, и самъ весь въ крови.

А дьяволъ тутъ-какъ-тутъ, отбилъ дверь, будто человекъ какой прохожій, да въ келью.

Дѣвченка къ нему, повисла на шеѣ, дрожитъ вся, и горько такъ заплакала:

— Батюшка, родимый мой, кому ты оставилъ насъ? Меня замучалъ къ худымъ дѣламъ, а брату вонъ отрубилъ голову.

И ужъ полна келья, Богъ его знаетъ, кто набѣжалъ, — лягастые, квакастые и ивкаютъ, и гайкаютъ, ногами затопали, прыгаютъ, хлопаютъ, и всѣ на старца, да какъ вцѣплятся и потащили...

— Наша! Наша душа! — и потащили.

А самъ дьяволъ-то по головкѣ его, по головкѣ...

— Погляди-ка мнѣ черезъ лѣвое-то плечо! Сколько лѣтъ я ходилъ, сколько лаптей проносилъ, да вотъ и уловилъ голубчика!

Тутъ старецъ словно бы опаматовался, — оградился крестомъ.

— Нѣтъ, ты погляди мнѣ черезъ правое-то плечо!

Бѣсъ поглядѣлъ, да такъ и согнулся.

— Святый Боже, Святый Крѣпкій! — душу несли его ангелы съ пѣніемъ райскимъ.

И всѣ бѣсы, кто какъ былъ, такъ и проскочили сквозь землю.

1915 г.

Семь бѣсовъ.

1.

Есть такіе города у насъ на матушкѣ на Руси, куда въ Христову ночь не только серебряный кремлевскій я сакъ, а зазвони и самъ царь-колоколъ, самъ царь-колоколъ не донесетъ.

Въ Сольвычегодскѣ на пустынномъ усольѣ, гдѣ надъ холмиками-домами однѣ церкви-кресты стоятъ, тамъ случается, задастся годъ, и счастливые въ полночь слышатъ звонъ... разливной, гудѣтъ по Устюжинѣ шире Сухоны, Лузы, Юга и Вычегды — „Христосъ воскресъ!“. А Сольвычегодскъ вѣдь — на полпути отъ той дебри печорской, гдѣ намъ выпало провождать дни, и среди насъ Винокурову съ замоскворѣцкихъ Толмачей.

Человѣкъ по языку и ухваткамъ московскій, жилистый и упорный, отъ крѣпкаго кореня гостя московскаго, былъ Винокуровъ не безъ того... и чѣмъ кончилъ, одному Богу извѣстно. А ожидать всего можно было, и сказывали — лѣтъ пять назадъ такой слухъ прошелъ, — будто ужъ вольный, очищенный отъ грѣховъ всякихъ, попался онъ въ мошенничествъ и угнанъ подъ наказаніе. Впрочемъ, можетъ, и невѣрно все, и живетъ онъ себѣ, слава Богу, гдѣ у печенгскихъ старцевъ въ работѣ духовной, да китовъ ловитъ мурманскихъ, либо на Алтаѣ гдѣ дѣла дѣлаетъ, либо... и совсѣмъ недѣльно, замореный, гнетъ свою линію дѣловую въ Петроградѣ на Невѣ-рѣкѣ. Мы его семь бѣсовъ называли. А окрестилъ его такъ Костровъ Ве-

деней Никанорычѣ, челоуѣкѣ учительный и верховой, съ тѣмѣ и пошло.

— Семь бѣсовѣ да семь бѣсовѣ!

Ну, и ничего... только посмѣивается.

И вѣдь такѣ сидитѣ, бывало, ничего — вѣчно подѣ носомѣ книга, любилѣ книгу, и за годѣ комната его прибралась, что библиотека. И невзначай такѣ спросишь о чемѣ, толково-таки отвѣтитѣ и примѣрѣ приведетѣ... только эти его примѣры, — а онѣ любилѣ приводить, — поясняли, да не то совсѣмѣ, а то и совсѣмѣ обратное. Правда, эту слабость свою зналѣ онѣ за собой лучше всякаго, да не очень смущался.

— Самое для меня трудное было, — вспоминалѣ онѣ о годахѣ своихѣ ученическихѣ, — это когда задастѣ, бывало, учитель примѣры приводить: ужѣ какѣ стараюсь, и все мимо. Ну, а за то по геометріи любую теорему отѣ противнаго докажу.

По геометріи-то возможно... да это онѣ такѣ по геометрію, — сочинения ему всегда давались легко!

И бывали вечера, соберутся кѣ нему гости, и все по-путному, примется какую исторію рассказывать, и скажу, ей Богу, иной разѣ за сердце тронетѣ. И ужѣ думаешь, да не ошибаемся ли, бѣсовѣ-то вѣ челоуѣкѣ выискивая?

— Семь бѣсовѣ, да семь бѣсовѣ!

И не вѣ тебѣ ли они самые завелись, за носѣ тебя водятѣ?

И станетѣ скучно. И придумываешь, чѣмѣ бы такое вину за гладить.

А пройдетѣ день, другой, и только-что быка за рога, глядѣ, а онѣ снова — и весь тутѣ и всѣ бѣсы его.

— Семь бѣсовѣ.

Былѣ одинѣ изѣ заключенниковѣ нашихѣ Шведковѣ несчастный, глаза вѣ жизни лишился, и при женѣ своей жилѣ вродѣ какѣ помогалѣ ей: если шила, — машинку вертѣлѣ, — и такой, вѣ чемѣ душа, а по этой части, хлѣбомѣ не корми. У Винокурова, какѣ извѣстно, частенько и хозяйскія и сосѣдскія дѣвицы находомѣ гостили и Шведкову это на руку — ему, вѣдь, хоть около постоять, праздниѣ! Вотѣ онѣ и притащится и войти-то войдетѣ честь-честью, а тотѣ какѣ свиснетѣ подрушнымѣ, — такіе всегда водились изѣ своихѣ же, — и они

на Шведкова разомб, да все сб него срывомб. И ужб вб чемб мать родила при всемб честномб народб визжитб несчастный, тычется и ловитб, чтобы какб-нибудь прикрыться, — потѣха!

Винокурову потѣха — отб хохота трясется.

И безб пира вечерб проходитб весело.

И еще былб одинб Штыкб, вб дѣлб своемб дѣльный, тихій и работающій простой человекб, и затѣялб этотб самый Штыкб вб простотб своей заняться какимб-нибудь предметомб, всб вѣдб скуки ради для развитія своего за что-нибудь принимались. И Винокуровб его по-итальянски училб. Старался Штыкб несчастный, изб кожи лѣзб, но и вб русской-то грамотб слабый, совсѣмб сб толку сбился. И какб, бывало, примется Винокуровб сб нимб по-итальянски объясняться, со смѣха животб надорвешь.

Какую угодно дурость надб человекомб сдѣлаетб, не облизнется.

Тоже студентб Снеткинб... былб такой у насб, большой спорщикб, человекб общественный, какб самб величалб себя, сб утра, бывало, выйдетб изб дому и до вечера по знакомымб и все говоритб — и какб говорилб! — сб одного, не поспѣешь и слова вернуть. И влюбился студентб Снеткинб вб устьвымьскую учительницу Налимову и все, какб слышно, сговорено у нихб было и, какб кончится срокб, обвиняются. Конечно, дѣло велось вб большой тайнб, да развѣ утаишь чего, и особенно вб такомб дѣлб? Винокурову все было извѣстно.

И случилось какб-то, поѣхалб Снеткинб вб отпускб, — разрѣшили, — пробылб тамб сб мѣсяцб и благополучно вернулся и прямо кб Винокурову сб разговоромб. Слушалб его, слушалб Винокуровб и часб и другой и третій, изловчился, наконецб, да вб передышку такб, будто мимоходомб:

— А слышали, говоритб, — Василій Васильевичб, Налимова-то замужб вышла?

Тотб только глаза вытарашилб, заплеснуло вб головѣ, сказать ничего не можетб.

— И точно не знаю, — продолжалб Винокуровб, — за Колесникова, кажется...

А того, какъ варомъ, — Колесниковъ телеграфистъ, дѣйстви-
тельно, приударялъ за учительницей! — да живо за дверь, да
бѣгомъ. И съ той поры — будетъ! — никакимъ разговоромъ къ
Винокурову съ разговорами не затащишь.

Учительница-то устьвымская, Налимова, конечно, и не ду-
мала выходить замужъ, а несчастный чуть не рехнулся.

Да то ли еще, много чего видывали, и слышали, и испыты-
вали отъ бѣсовъ Винокуровыхъ: замутить, въ грѣхъ втянуть
человѣка ему ничего не стоило.

Спуталъ молодежь нашу съ наблюдающимъ — былъ такой
наблюдающій при полиціи забитый человѣкъ Фыркинъ, долж-
ность его была провѣрная въ родѣ сыскной, а дара отъ Бога
не отпущено: и то услѣдить, что подѣ дозволеніемъ, и прово-
ронить такое, того и гляди въ шею погонять. Съ этимъ-то
Фыркиномъ и свелъ Винокуровъ, ну и началась всякая удалъ
съ пьянствомъ и буянствомъ, и ужъ самъ исправникъ Сократъ
Дмитріевичъ Гусевъ замѣчаніе сдѣлалъ, что не годится, а Фыр-
кина самого подѣ надзоръ поставилъ.

2.

А скучное житье наше было!

Сядешь, бывало, у окна, — печка натоплена жарко, — тепло,
грѣешься и смотришь. А въ окнѣ — снѣгъ, и пока глазъ хва-
таетъ, все снѣгъ — ровный бѣлый, и лишь сторонкой частоколъ
черный — лѣсъ, и въ лѣсу тамъ не только Медвѣдь Медвѣдичъ,
сама Яга Ягишна собственный домикъ имѣетъ на козыхъ рож-
кахъ, на бараньихъ ножкахъ: тамъ имъ попить, тамъ имъ по-
ѣсть! Любо и вѣтру — безрукому дѣду — у! какъ выйдетъ гулять,
крыши долой такъ и рветъ. Да и мѣстный житель, исколѣнно
который на землѣ трудится, такъ свою жизнь поведетъ, ему не
до скуки. Съ работой нешто скучаютъ? А ее вездѣ найдешь:
и въ аду найдешь, коли обживешься, а не то что тутъ, среди
снѣговъ и теми въ большую зимнюю пору и долгихъ бѣлыхъ,
какъ день, ночей съ незакатнымъ весеннимъ солнцемъ. Ну, а
такъ человѣку пришлому, заключеннику, скучно.

Скучно — въ глазахъ бѣлый снѣгъ — пустынно...

Хорошо, конечно, на возрастѣ лѣтъ для души въ пустынѣ пожить, подумать. Да опять же безъ работы не справиться и, какъ пить, съ лѣствицы скувырнешься. Сами старцы, доброй волей удалявшіеся въ пустыню, прямо говорятъ, что въ пустынѣ жить безъ работы невозможно, — тамъ уныніе находить и печаль и тоска велика. А нашѣ возрастѣ-то, за малымъ исключеніемъ, голоусый и думать намъ еще не о чемъ было: у насъ не было ни бѣлаго дня, ни краснаго солнца, ни блеклой луны, ни частыхъ звѣздъ, ни глухой полночи, еще надо было добыть ихъ, — ничего мы въ жизни не сдѣлали, намъ дѣло дѣлать надо было, не покладая рукъ, силы свои расточать для родины, строить землю — кормилицу нашу, людей смотрѣть да себя показывать.

И такъ худо, — безвременно, да еще и дѣла нѣтъ, — всѣмъ плохо.

Сами видите, какъ человѣка судить, если другой разъ не выдержишь, поддашься бѣсамъ Винокуровымъ.

И скажу не въ осужденіе, участь эта дурацкая не миновала ни единого изъ насъ: всѣ мы такъ или этакъ, а въ лапы его попадались. И только одинъ изъ всѣхъ насъ старѣйшій Костровъ Веденей Никанорычъ, человѣкъ учительный и верховой, стоялъ твердо на-стражѣ.

У всѣхъ у насъ грѣшки водились, ну, человѣческіе, по слабостямъ душевнымъ и тѣлеснымъ, а ужъ Веденей Никанорыча ни въ чемъ не попрекнешь. И потрудился онъ немало на своемъ вѣку, съ народомъ пожилъ, поучился и самъ уму-разуму поучилъ. И живи онъ одиночно, былъ бы прокъ для него и въ семъ нашемъ житіи пустыннымъ: по лѣствицѣ исхитился бы подняться и съ Божьей помощью за годъ какой дошелъ бы до разсмотрѣнія дѣлъ человѣческихъ и разсужденія. Да бѣда въ томъ, что не одиночно жилъ онъ, насъ орава неприкаянныхъ вѣчно на глазахъ у него: тотъ кланчитъ, другой жалуется, третій нюнитъ, пятый бѣснуется. Зрителемъ да наблюдателемъ безгласнымъ онъ не могъ оставаться, вотъ и хороводился съ нами, и за нашимъ назоемъ, ужъ о своемъ ему подумать часу за день не доставало, и только что ночнымъ бытомъ.

За годъ заключенной жизни своей снискалъ себѣ Веденей Никанорычъ всеобщее уваженіе и самъ Сократъ Дмитріевичъ

Гусевъ, нашъ исправникъ, если что надобно бывало, — выходило ли распоряженіе отъ губернатора, либо по собственному какому своему наказу, вызывалъ къ себѣ одного Кострова, и наоборотъ, если случалось недоразумѣніе, шелъ за всѣхъ Веденей Никанорычъ. И на почтѣ довѣренности Кострова стояла высоко. Писемъ получалъ онъ со всей Россіи и самъ писалъ во всѣ края и по этимъ письмамъ почтмейстеръ Запудряевъ доподлинно удостовѣрился, что Веденей Никанорычъ человекъ правильный, да, кромѣ того, по собственному признанію Запудряева же, Костровы письма доставляли большое развлеченіе и сердцу отраду.

Веденей Никанорычъ кореня костромского и рѣчь его округлая.

И какъ станетъ, бывало, въ красный уголъ подъ вербушкой, — „власы поджелты, брада Сергіева“, умилишься, глядя.

„Эхъ, — подумаешь, — Веденей Никанорычъ, отецъ, да быть бы тебѣ старцемъ, проводить житіе во пустынь среди полей родимыхъ Богу на послушанье, людямъ въ наученье, какіе тамъ цвѣты расцвѣтаютъ, какіе колокольчики... жить бы тебѣ во пустынь въ келейкѣ у березокъ — бѣлыхъ сестеръ благословенныхъ!“

Веденей Никанорычъ въ міру жилъ, хотѣлъ устроить жизнь нашу по совѣсти. Сызмлада отъ житій угодниковъ нашихъ, хранителей правой милосердой святой Руси, запало ему въ душу. Веденей Никанорычъ въ міру жилъ и, дѣлая дѣло прямое и полезное, видимое и понятное на сей день съ его бѣдой и горемъ, несправедливостью и безсовѣстностью, и, какъ всѣ мы, ошибаясь и плутая въ средствахъ устроить этотъ сей день, никогда не забывалъ отъ пустыни заповѣданное, что лишь отреченіемъ и жертвою подымается человекъ для дѣла, направляющихъ жизнь нашу, спутанную и своими житейскими средствами нераспутываемую.

Такъ въ душевной бесѣдѣ самъ онъ мнѣ однажды признался, когда я ему о пустынь... колокольчикахъ, о березкахъ, бѣлыхъ сестрахъ благословенныхъ, свои мысли вслухъ говорилъ.

Кстати сказать, умиленіе это передъ березками не разъ мирило его съ Винокуровымъ: отъ сорока ли сороковъ москов-

скихъ, либо по дару Божьему понималъ Винокуровъ тайное слово земли русской съ ея бѣлыми березками.

Въ заботахъ о насъ проходила жизнь Веденей Никанорыча, все хотѣлось ему собрать насъ безпастушныхъ, растерявшихся въ безвременной жизни среди дебри печорской о-бокъ съ Медвѣдемъ Медвѣдичемъ и Ягой Ягишной.

И тутъ немало досаждалъ ему Винокуровъ.

И какъ-то на Святкахъ, наткнувшись на обнаженіе Шведкова и на прочее содомское безстыдіе, отрясъ онъ прахъ отъ ногъ своихъ и больше къ Винокурову не навѣдывался.

— Семь бѣсовъ!

3.

Прошли Святки, прошла пора вѣнца, понаѣхала самоѣдь на Масленой съ оленями, да съ оленюшками, и весною повѣяло.

Какъ почернѣло небо надъ бѣлымъ снѣгомъ — я никогда не видалъ такого черного неба надъ такимъ бѣлымъ снѣгомъ, какъ завывало въ лѣсу — ой, не Яга ли Ягипна, окрещу окно! — и какъ ударили къ службѣ по великопостному, помянулось на сердцѣ о Пасхѣ, и все помирилось.

— Скоро Пасха!

Всѣ семь седмицъ прошли мирно.

Что-то не слышать стало и о Винокуровыхъ бѣсахъ, — ни разу Шведкова не обнажали, хоть и таскался онъ къ Винокурову по-прежнему языкомъ почесать, и самъ итальянскій языкъ на время былъ оставленъ, и Штыкъ несчастный понемножку приходилъ въ себя. Или и самъ Винокуровъ не такой сдѣлался? Заглянешь, бывало, сидитъ вродѣ меня у окна, смотритъ на черную тучу, съ сороками разговариваетъ — сорочье подъ окнами такъ и прыгаетъ. Или и впрямь, и не только въ Чистый поне-дѣльникъ, а и въ весь постъ бѣсу скучно!

Въ Великую субботу Веденей Никанорычъ загодя зашелъ къ Винокурову: вмѣстѣ уговорились итти на заутреню къ Стефану Великопермскому. Все на немъ было по праздничному и только не умудрился подстричься. Въ нашей дебри печерской ни куаферовъ, ни парикмахеровъ не водилось, и если нужда

бывала, стригъ городской Шекутеевъ: соби́рался Веденей Никанорычъ къ Шекутееву, да что-то помѣшало.

— Позвольте, Веденей Никанорычъ, — у Винокурова такъ глаза и загорѣлись, — да я вамъ бородку поправлю!

Другой разъ Веденей Никанорычъ, можетъ, и подумалъ бы, даваться ли, но тутъ подѣ Пасху...

— Такъ съ боковъ-бы немножко! — поглаживалъ Веденей Никанорычъ свою бороду Сергіеву.

И откуда-то въ мановеніе ока появился одеколонъ, вата и пудра, — у Винокурова этого добра всегда водилось, а за пудрой и ножницы — большія, для газетныхъ вырѣзокъ, маленькія — ногтевыя. Только бритвы не доставало.

— Ничего, — утѣшалъ Винокуровъ не столько Веденея Никанорыча, сколько себя самого, — я вамъ маленькими ножничками чище бритвы сдѣлаю! — и что-то еще говорилъ такъ не-связное, словно бы поперхивался, и на минуту исчезъ въ со-сѣднюю комнату къ снѣмъ.

Не предайся Веденей Никанорычъ умиленію своему пасхальному, навѣрно бы спохватился, — время еще было. Въдь, что говорить, выбѣгалъ Винокуровъ къ снѣмъ не за чѣмъ-нибудь, а просто-на-просто тихонечко выхохотаться: мысль о стрижкѣ, какую такую бородку смастеритъ онъ Веденею Никанорычу, занялась въ немъ неудержимой игрой — бѣсы не моргали, всѣ семь.

Зеркала стѣнного не было, печорская деберъ не Парижъ, но за то было одно стоячее, его и поставилъ Винокуровъ на столъ передъ Веденею Никанорычемъ и, хотъ Веденей Никанорычъ себя никакъ въ немъ поймать не могъ, а все-таки передъ зеркаломъ вродѣ какъ по-настоящему. И все шло по-настоящему: подвязалъ ему Винокуровъ бѣлое — занавѣску бѣлую, запихалъ за воротникъ ваты, щелкнулъ въ воздухъ большими ножницами.

Былъ часъ десятый — въ соборѣ у Стефана Великопермскаго ударили къ дѣянiямъ.

— Въ одну минуту!

И заработали Винокуровы ножницы.

„Хорошо бы еще поспѣть къ дѣянiямъ...“ — подумалось Веденею Никанорычу.

— И кѣ дѣянiямъ успѣмъ, — стрекоталъ Винокуровъ.

Работа кипѣла.

И подѣ ножничный стрекотъ неугомонный кипѣли воспоминанiя о часахъ грядущихъ. Винокуровъ припоминалъ московскую Пасху и, мыслью ходя по вѣкамъ столетiямъ, заглядывалъ въ церкви и монастыри и часовни на пасхальную службу.

— У насъ на Костромѣ тоже, — сдунулъ волосъ Веденей Никанорычъ, — дѣянiя всѣ до конца прочитаютъ и начинается утренняя, и послѣ канона, какъ унесутъ плащеницу, до слезъ станетъ и страшно...

— Тогда игуменъ и съ прочими священники и діаконы облачатся во весь свѣтлѣйшій санъ, — истово, какъ по писанному, словами служебника iовскаго, выговаривалъ Винокуровъ, — и раздастъ игуменъ свѣчи братiи. Параеклисиархъ же вжигаетъ свѣчи и кандила вся церковная предѣ святыми иконами, приготовитъ и углiе горящiе во двоихъ сосудахъ помногу. И наполняютъ въ нихъ еиміана благовоннаго подовольну, да исполнится церковь вся благовонiя. И ставятъ одинъ посреди церкви прямо царскимъ дверямъ, другой же внутри алтаря. И затворятъ врата церковныя — кѣ западу. И возьметъ игуменъ кадило и честный крестъ, а прочая священники и діаконы святое Евангелiе и честныя иконы по чину ихъ, и исходятъ всѣ въ притворъ. И тогда ударяютъ напрасно въ канбанаріи и во вся древа и желѣзное и тяжкая камбаны и клеплютъ довольно.

Винокуровъ забралъ глубоко и изъ брады сергіевой вытесывался помаленьку колышекъ.

— Выходятъ же сѣверными дверями, — продолжалъ Винокуровъ, — впереди несутъ два свѣтильника. И, войдя въ притворъ, покадитъ игуменъ братію всю и діакону, предносящему передъ нимъ лампаду горящую. Братія же вся стоятъ со свѣчами.

Время бѣжало — поди ужъ и дѣянiя оканчивались — бѣгло бѣгали ножницы, а еще только одна сторона подчищалась, другая кустатая неровно кустѣла.

— По окончаніи же. кажденiя, — слово въ слово выговаривалъ Винокуровъ, — приходятъ предѣ великія врата церкви и покадитъ игуменъ діакона, предстоящаго ему съ лампадою, и

тогда діаконѣ, взявъ кадило отъ руки игумена, покадитъ самого настоятеля. И снова игуменѣ, держа въ рукѣ честный крестѣ, возьметъ кадило и назнаменаеѣ великія враты церкви, затворенныя, кадиломѣ крестообразно и свѣтильникамѣ, стоящимѣ по обѣ стороны, и велегласно возгласитѣ:

„Слава святѣй единосущнѣй и животворящѣй нераздѣлимѣй Троицѣ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомѣ“. И мы отвѣчаемѣ: „Аминѣ“. Начинаеѣ по аминѣ велегласно съ діакономѣ:

„Христосѣ воскресе изѣ мертвыхѣ, смертію на смерть наступи, и гробнымѣ животѣ дарова!“ — трижды и мы поемѣ трижды.

„Да воскреснетѣ Богѣ и разыдутся врази Его...“ — мы же кѣ каждому стиху „Христосѣ воскресе“ трижды, — „Яко исчезаетѣ дымѣ да исчезнутѣ...“ „Тако да погибнутѣ грѣшницы отѣ лица Божія, а праведницы да возвеселятся...“ — „Сей день иже сотвори Господѣ, возрадуемся и возвеселимся вонѣ...“ „Слава...“ „И нынѣ...“ — и скажетѣ высочайшимѣ гласомѣ:

„Христосѣ воскресе изѣ мертвыхѣ, смертію на смерть наступи!“ — и крестомѣ отворивѣ двери, ступитѣ въ церковь, и мы поющіе за нимѣ, — „и гробнымѣ животѣ дарова“. И тогда ударяютѣ напрасно во вся древа и желѣзная и тяжкая камбаны и клеплютѣ довольно, — три часы.

— Три часы, — протянулѣ за Винокуровымѣ Веденей Никанорычѣ.

И какѣ въ отвѣѣ ему внезапно ударило... ударилѣ изѣ темной воли колоколѣ у Стефана Великопермскаго и покатился — и покатился надѣ бѣлымѣ снѣгомѣ разливной, какѣ вѣстница-туча, надѣ снѣгомѣ, надѣ лѣсомѣ, надѣ Ягой, надѣ Медвѣдемѣ и катился — колоколѣ за колоколомѣ — по бѣлымѣ снѣгамѣ за Печору кѣ Уралу.

— Христосѣ воскресѣ!

И не тряхнувѣ, запрыгали ножницы. Веденей Никанорычѣ поднялся.

— Веденей Никанорычѣ, еще немножко! — чуть не плакалѣ Винокуровѣ.

Оставалось и вправду немножко: лѣвая сторона совсѣмѣ готова была и только съ правой все еще кустики, срѣзать кустики — и дѣлу конецѣ.

— Сію минуту! — чуть не плакаль Винокуровъ, усаживая Веденей Никанорыча.

Но если и въ пассажъ у Орлова, гдѣ бритва либо самъ автостропъ дѣйствуютъ и то не одну папирску выкуришь, дожидаясь очереди, а ножницами... ножничками только съ перваго взгляда, кажется, пустяки: отрѣжешь волосокъ, за нимъ другой, за этимъ третій, — а ты попробуй-ка волосокъ за волоскомъ, да и не какъ-нибудь, а начисто, да и свѣту такого нѣтъ, одна лампа не обманетъ ночь.

Молчкомъ трудился Винокуровъ.

Время бѣжало, минуты летѣли, летѣли, какъ вѣтеръ — дѣдъ безрукій, а онъ леталъ за окномъ, разбужденный внезапнымъ звономъ.

— Ничего, ничего, успѣемъ, — вдругъ утѣшился Винокуровъ, — ризы долго мѣняють, у насъ, въ Толмачахъ сто ризъ батюшка перемѣнитъ.

Веденей Никанорычъ сидѣлъ, на себя не похожъ.

— Ничего, ничего, — утѣшалъ Винокуровъ, — „... кто пропуститъ и девятый часъ, да приступитъ, ничто же сумняся, ничто же бояся, и кто попадетъ только въ одиннадцатый часъ, да не устрашится замедленія: велика Господня любовь. Онъ пріемлетъ послѣдняго, какъ и перваго!“

Веденей Никанорычъ сидѣлъ на себя не похожъ: усъ его необыкновенно длинный, и тотъ и другой, и если не поднять его кверху, что-то въ родъ печенегъ получается, а поднимешь — Мефистофель, и притомъ бородака...

И когда зазвонили къ обѣднѣ и, наконецъ-то, отвязалъ Винокуровъ занавѣску, прошелся пуховкой, сдунулъ волосъ и такъ навелъ зеркало, чтобы можно было посмотреться, Веденей Никанорычъ безнадежно замоталъ головою.

— Что это? — онъ потягивалъ себя за бородку.

— Колышекъ! — и глаза Винокурова такъ и горѣли.

Воденей Никанорычъ стоялъ, на себя не похожъ.

Волей-неволей, а пришлось усы кверху поддернуть, ничего не подѣлаешь. Винокуровъ ему и закрутилъ ихъ, на кончикахъ тоненькіе, какъ мышинъ хвостикъ.

И вышли на волю.

Звонили къ обѣднѣ.

Хлопьями снѣгъ летѣлъ, несло и мело, и въ крещенской
крути со звономъ, съ желѣзомъ и тяжкимъ камбаномъ выла
метель, вывывала —

— Христосъ воскресъ!

1915 г.

EPHRAIM.

Положено въ основу разсказовъ моихъ народное. Я пользовался сборниками — самарскимъ, сѣвернымъ, пермскимъ: Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XII т. Спб. 1884 г., Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XXXIII т. Спб. 1908 г., Д. К. Зеленинъ, Великорус. сказки Пермской губ., Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи, XLI т. Пгр. 1914 г. Привожу №№-а сказокъ въ азбучномъ временникѣ-указателѣ.

Стр. 12. — *Николинъ завѣтъ*. — Изъ Олонецкихъ легендъ № 8. Этнограф. Обзор. М. 1891 г. № 4 (кн. XI).

Стр. 25. — *Шидикъ*. — М. Борейша, Солдатъ и чортъ. Э. О. 1891 г. № 3 (кн. X), А. Колчинъ, Вѣрованія крестьянъ Тульской губ. Э. О. 1899 г. № 3 (кн. XLII).

Стр. 27. — *Солдатъ*. А. Н. Афанасьевъ, Народныя русскія легенды. Изд. Современныя Проблемы, М. 1914 г. № 16.

Стр. 43. — *Хлѣбный голосъ*. — Изъ Олонецкихъ легендъ № 10. Э. О. 1891 г. № 4 (кн. XI).

Стр. 59. — *Яйцо яинное*. — А. Д. Рудневъ, Хори-бурятскій говоръ. Изд. Факультета Восточныхъ языковъ Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 42. Вып. 3. Спб. 1913 — 1914 гг. № XXII.

Стр. 98. — *Оттудился*. — А. Васильевъ, Жив. Старина, 1911 г. Вып. I.

	Годъ написа- нія.	№ Садовни- кова и друг. записи.	Годъ напеча- танія.	№
Баннѣе анчутки . . .	1914	4	1914 Вершины	4
Бѣлая Пасха.	1915	{ Ончук. 233, 260	1915 Вершины	17
Глухая тропочка . . .	1914	89	1915 Нива	1
Голова	1914	100	1914 Огонекъ	13
Голъ-камень.	1914	73	1914 Голосъ Жизни	2
Доля солдатская . . .	1914	80	1915 Отечество.	3
За родину.	1914	110	1915 Бирж. Вѣдомости .	14586
За Русскую землю. .	1914	—	1914 Рѣчь	349
Заря перегорѣлая . .	1914	90	1915 Нива	1
Заяцъ сѣвѣль	1914	{ 89 Аванас. 5	1915 Нива	1
Кабачная кикимора .	1914	70	1914 Огонекъ	18
Кладъ	1914	9	1914 Голосъ Жизни	9
Клексъ	1915	{ Ончук. 230	1915 Современникъ	3
Магнитъ-камень. . . .	1914	103	1914 День	351
Морока	1914	25	1914 Голосъ Жизни	5
На все Господь	1915	{ Зеленинъ 16	1915 Голосъ Жизни	13
Награда.	1914	97	1915 Современникъ	1
Николинъ завѣтъ . . .	1914	{ Э. О. 1891 № 4	1914 Отечество	5
Нужда	1914	67	1915 Современникъ	1
Оттудился	1915	{ Ж. С. 1911 № 1	1915 Современникъ	3
Подожокъ	1914	105	1914 Огонекъ	14
Праведный судія. . .	1914	96	1915 Современникъ	1
Пупень	1915	112и	1915 Современникъ	3
Пчелякъ	1914	74а, 116	1914 Голосъ Жизни	2
Семь бѣсовъ	1915	—	1915 Бирж. Вѣдомости .	14741
Скоморошикъ	1914	98	1914 День	14
Слово	1915	—	1915 Нов. журн. для всѣхъ.	8

	Годъ написа- нія.	№ Садовни- кова и друг. записи.	Годъ напеча- танія.	№
Солдатъ	1914	{ Аванас. 16	1914 Бирж. Вѣдомости . .	14575
Солдатъ-доброволецъ .	1914	{ Ончук. 156, 279	1915 Русская Иллюстрація	16
Спрыгъ-трава	1914	75, 113	1914 Голосъ Жизни	1
Страдной Россіи . .	1915	—	1915 Отечество	8
Урвина	1914	72e	1914 Голосъ Жизни . . .	1
Хлѣбный голосъ . . .	1914	{ Э. О. 1891 № 4	1914 Отечество	6
Шишокъ	1915	{ Э. О. 1891 № 3 Э. О. 1899 № 3	1915 Вершины	15
Яйцо ягиное	1915	{ Рудневъ XXII	1915 Голосъ Жизни . . .	12

Разказы, вошедшіе въ книгу У к р ѣ п у (1914 — 15 гг.) напечатаны были въ газетахъ и журналахъ.

I. Газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, Пгр.; „День“ (приложеніе), Пгр.; „Рѣчь“, Пгр.

II. Журналы: „Вершины“, Пгр.; „Голосъ Жизни“, Пгр.; „Нива“ (приложенія). Пгр.; „Новый Журналъ для всѣхъ“, Пгр.; „Огонекъ“, Пгр.; „Отечество“, Пгр.; „Русская иллюстрація“, М.; „Современникъ“, Пгр.

CONFESABLE.

СЛОВО	7
-----------------	---

СТРАДНОЙ РОССИИ.

Страдной Россіи	11
Николинъ завѣтъ	12
За родину	14
Солдатъ-доброволецъ	17
Доля солдатская	23
Шишѣкъ	25
Солдатъ	27
За Русскую землю	35
Бѣлая Пасха	38

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Хлѣбный голосъ	43
Голъ-камень	45
Пчелякъ	46
Урвина	48
Кабачная кикимора	50
Магнитъ-камень	55
Яйцо ягиное	59
Спрыгъ-трава	64
Банные анчутки	66
Нужда	68
Морока	71
Кладъ	76
Пупень	81
Клексъ	83

НА ВСЕ ГОСПОДЬ

На все Господь	87
Голова	93
Подожокъ	96
Оттудился	98
Заря перегорѣлая	101
Глухая тропочка	102
Заяцъ съѣлъ	104
Праведный судія	108
Скоморошикъ	110
Награда	113
Семь бѣсовъ	118
ПРИМѢЧАНІЯ	133
СОДЕРЖАНІЕ	139

КНИГИ АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

Собраніе сочиненій въ 8-ти томахъ, съ портретомъ автора, рис. М. В. Сабашниковой. Изд. Сиринъ. Спб. 1910—1912 г. Ц. 8 р.

Подорожіе. Изд. Сиринъ. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Докука и балагурье. Изд. Сиринъ. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Весеннее порѣшье. Изд. Сиринъ. Пгр. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

За святую Русь. Изд. Отечество. Пгр. 1915 г. Ц. 40 к.
(Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны).

Укрѣпа. (Обложка М. В. Добужинскаго) Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чаемый Царьградъ. (Обложка Н. С. Гончаровой) Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 г. (Печатается).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

„Сборникъ Лукоморье“. Ц. 2 р.

Сергѣй Городецкій — „Четырнадцатый годъ“. Ц. 1 р. Обложка Е. Нарбута.

М. Кузминъ — Военные рассказы. Ц. 1 р. 50 к. Обложка С. Судейкина.

Борисъ Лазаревскій — Во время войны. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.

В. Опочининъ — Грезы и жизнь. Стихи. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Е. Нарбута.

Георгій Ивановъ — Памятникъ славы. Стихи. Ц. 1 р. Обложка Е. Нарбута.

Михаилъ Долиновъ — Радуга. Стихи. Ц. 1 р. Обложка И. Мозалевского.

М. Влагинъ — Рассказы. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбута.

Юрій Слезкинъ — Святая радость. Т. III. Ц. 1 р. 75 к. Обложка О. Шарлемань.

„ „ — Среди березъ. Т. II.

А. Ремизовъ — Укрѣпа. Обложка Е. Нарбута. Ц. 1 р. 50 к.

А. Рославлевъ — Черезъ цвѣтныя стекла. Обложка Д. Митрохина. Ц. 1 р. 50 к.

Юр. Юркунъ — Рассказы. Обложка А. Божерянова. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Кисилевъ — Скрещенные мечи. Обложка И. Мозалевского. Ц. 1 р. 25 к.

А. Липецкій — Воля къ жизни. Обложка И. Мозалевского. Ц. 1 р. 50 к.

В. Бѣловъ — Разумѣйте языцы. Обложка И. Мозалевского. Ц. 1 р. 50 к.

В. Козловъ — Подъ грозою. Обложка Д. Митрохина. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Вергунъ — Что такое Галиція? (второе изд.) Ц. 35 к. Обложка Д. Митрохина.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Сборникъ Лукоморье“ (второй).

Ө. Сологубъ — Родина. Стихи. Обложка Е. Нарбута.

Ө. Сологубъ — Барышня Лиза. Обложка и иллюстраціи С. Судейкина.

Н. Олигеръ — Чужое солнце. Обложка С. Судейкина.

Бор. Садовской — Полдень. Стихи.

Б. Верхоустинскій — Утренняя звѣзда. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.

Юрій Слезкинъ. Т. Т. I, IV, V, VI. Обложка О. Шарлемань.

С. Ауслендеръ — Рассказы. Сердце воина. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Д. Митрохина.

А. Рославлевъ — Кольцо. Стихи. Обложка Д. Митрохина.

Карнавалъ — Рассказы.

Паукъ — Рассказы.

Бор. Лазаревскій — Новыя дѣвушки.

Д. Цензоръ — Обиженная любовь. Обложка Д. Митрохина.

Яковъ Годинъ — Праздникъ. Обложка М. Лебедевой.

А. Ремизовъ — Чаемый Царьградъ. Обложка Н. Гончаровой.

Д. Крачковскій — Покорность. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.

В. Муйжель — Приключенія двухъ юныхъ добровольцевъ на войнѣ.

